

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №4 (11), апрель 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>
Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

10 мая в знаменитом книжном клубе на Австрийской площади прошла презентация возрожденного в Петербурге издания – литературной газеты «Интеллигент».

Самый интеллигентный «Интеллигент»

подобных мероприятий отмечает: «Я всегда рада вашей компании! Любое собрание вашего общества и интересно, и познавательно, и высоко-профессионально».

И мы отвечаем ей взаимностью – любим бывать в этом – одном из уютнейших уголков Питера, устроенного с истинным духом, укладом, изысканностью и красотой, соответствующих нашему городу и его истории.

Итак, в погожий майский денек, посмотреть на новый номер литературной газеты «Ин-

теллигент»

собрались истинные петербургские интеллигенты: Екатерина Асмус, Юрий Пейсахович, Надежда Ораевская, Екатерина Бурова, Любовь Егорова, Анжелика Сансара со своей очаровательной дочерью, Ирина Ковшевая, Александр Темников, Тамара Кудрявцева, Лора Кутузова, Ирина Захарова, Андрей Морозов.

Екатерина Асмус, писатель, сценарист, художник, как организатор данного вечера поздравила друзей с первой публикацией в новом издании, передала привет от редакторов – Сергея Пашкова и Сергея Лебедева и раздала авторские экземпляры.

Радостно листая и разглядывая страницы газеты, «спецы» пришли к общему мнению: «отлично!» Далее последовала часть творческая. Ольга Виор, поэт-песенник, обладательница трех премий «Золотой граммофон» выступила первой и представила новую книгу стихов «Босиком по асфальту».

Затем посвящение героям Великой Отечественной войны, в честь великого праздника 9 Мая, прочел академик, поэт, офицер и обладатель множества боевых наград – Юрий Пейсахович. Далее эстафету подхватили поэтессы Любовь Егорова и Лора Кутузова.

Были представлены также две совершенно новые детские книги, созданные Екатериной Асмус, Женей Глюкк, Любой Егоровой и Надеждой Ораевской.

Необычайно интересный рассказ о своей встрече со знаменитым актером Константином Симоновым поведала нам писательница, пресс-атташе Всемирного клуба петербуржцев – Тамара Кудрявцева. Она также представила макет новой книги мемуарной прозы, которая вскоре сможет порадовать самого капризного читателя.

В заключение Екатерина Асмус прочитала отрывок из своей сказки «Волшебная кисточка», посвященной великому художнику-графику и любимому дяде Валерию Георгиевичу Трауготу.

Компания разошлась по домам поздно, ближе к полуночи, и каждый бережно уносил в руках экземпляр петербургского издания литературной газеты «Интеллигент».

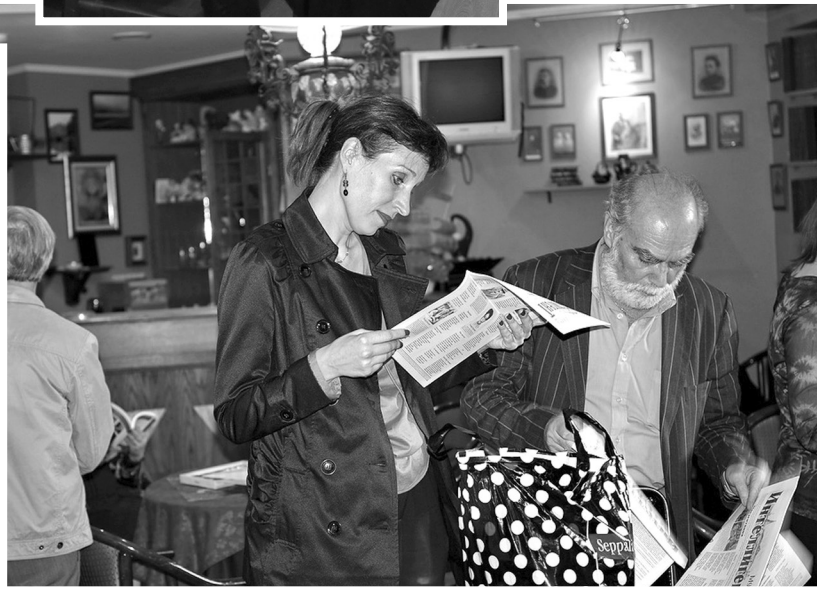
До новых интересных встреч!

Екатерина АСМУС

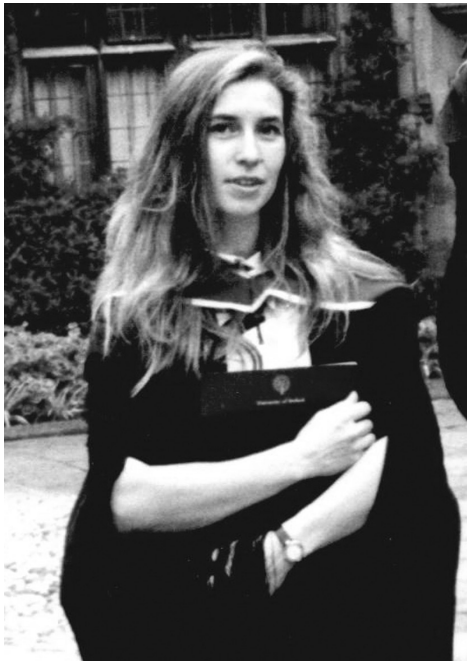

Рафинированных питерских читателей и зрителей сложно чем-то удивить. И вправду, столько событий, мероприятий, да и вообще – у нас каждый третий – поэт, а каждый второй – художник. На эту презентацию собралось самое придиричивое общество – еще бы, все участники давно уже состоялись как авторы, лауреаты различных премий, имеют массу регалий, да и новой публикацией их не удивишь – таковые столь часты, что не всегда и прийти-то есть возможность. Однако тут любопытство взяло верх и прибыли все, как один. Разумеется, вечер получился замечательный!

Хозяйка клуба, Екатерина Бурова, большой профессионал в книжном деле и проведении

Гость номера

Интервью с Натальей Крофтс

наши беседы вечером у походного костра и поразительное понимание друг друга с полуслова. Из таких же ярких картинок – мимолётная встреча со стареньким сторожем одного из султанских дворцов в Индонезии. А мы ведь даже не говорили на одном языке! Просто в маленьком пустынном дворике я услышала, как человек сам себе читает нараспев Рамаюну – не подозревая, что у него появился слушатель. Оказывается, не одна я рассказываю сама себе вслух любимые стихи – у меня есть собрат по духу где-то в глубинке острова Явы. О таких вот встречах я могла бы рассказывать бесконечно...

В общем-то этим и замечателен мир – в самых разных точках планеты живут дорогие мне люди, хотя, казалось бы, у нас всех очень разные жизни, разное прошлое. Раз в год я обязательно стараюсь навестить своих друзей на Украине, а два коренных американца уже много лет гордо представляют меня всем как свою дочку – хотя формально на это нет никаких оснований. И разные точки на земном шаре, будь то Генуя, Цюрих или Сингапур, вдруг начинают излучать тепло, потому что для меня они – логическое продолжение дорогих мне людей.

– Продолжая международную тему, хочу спросить вот что: знаю, что Вы много занимаетесь переводами. Кажется бы, работа поэта-переводчика – это углублённое погружение в язык оригинала для лучшего перевода его на русский. Не оказывается ли на деле, что оригинал служит только незыблемым, неизменяемым (и потому необработываемым) листом с подстрочником, а вся углублённость по-прежнему остаётся родному русскому, в котором переводчик усиленно ищет эквиваленты, синонимы, детали? Что такое в самом деле работа поэта-переводчика?

– Для меня занятие переводом – и радость, и мучение одновременно. В Оксфорде мне посчастливилось прослушать курс лекций по переводу у писателя Умберто Эко. Особо замечателен был этот курс уникальным взглядом на перевод: взглядом «переводимого» автора, который отлично говорит на нескольких языках. Врезалась в память одна его фраза: «перевод – это процесс выбора». Действительно, точных эквивалентов почти нет, вот и приходится постоянно решать, что важнее в данном тексте – и, как ни больно, жертвовать остальным. Автору-то легче: он-то знает, что в тексте – важно, а что – случайно, второстепенно. А переводчику приходится решать, угадывать. И хорошо, когда можно спросить у живого автора – но, как правило, такой возможности нет. Из-за этого, конечно, процесс мучителен – особенно при переводе поэзии. И чем лучше понимаешь язык оригинала, культурные нюансы и отсылки, тем больше сам осознаешь, скольким приходится жертвовать. Иногда я чувствую, что просто не в силах пожертвовать ничем – и несколько раз оставляла попытки переводов самых любимых стихов. Но иногда вдруг получается перевести, не растеряв почти ничего: так при переводе песни «Зима» замечательного итальянского барда Фабрицио де Андре удалось очень точно перевести текст оригинала и сохранить ритм, что для песни очень важно. Или, например, я ужасно люблю переводить весёлые стишки: кровожадных, но милых Гарри Грэма и Хилэра Бэллока; восхитительного Огдена Нэша, играющего, как мальчишка, английским языком; ироничную и чуть грустную Венди Коуп. Когда я работаю с их текстами, часто переводы выстраиваются сами собой, порой просто в голове, где-то на бегу – остаётся только записать и чуть подполировать. Такие случаи, конечно, – огромная радость.

– Умберто Эко в «Маятнике Фуко» устами своей героини утверждает, что

все людские убеждения, верные или неверные, а так же и предассудки, удобно предусмотрены и обусловлены нашей же собственной психикой и нервной системой, и что в каком-то смысле ответы заранее существуют для того, чтобы к ним правильно подобрали вопросы (я не цитирую, а стараюсь по-своему передать моё понимание определённой части книги). Наш обыденный земной счёт и десятичная система логично проистекают из того, что на руках у нас десять пальцев. Музыка и поэзия не поддаются десятичной системе, хотя тоже являются абсолютно земным продуктом – творчеством землян, и никого другого. Знаете ли вы законы, земного или неземного тяготения, по которым возникают стихи?

– Нет, не знаю. Не знаю, универсальны ли эти законы – или у каждого свои. Помните, у великолепного Ивана Елагина есть на эту тему строки:

Попробуйте всмотреться –
По-разному отмечены:

Тот пишет кровью сердца,
А этот – желчью печени...

Пожалуй, могу только сказать, что те стихи, которые мне нравятся больше, пришли сначала «картинками»: я до сих пор вижу молодого безусого парня в каске, лежащего в окопе – а мимо, гонимый ветром по земле, пролетает газетный листок. Это была моя «Троя». Или красные следы крови на снегу – как когда кого-то тащат волоком. Это было «Ностальгическое». Или фигуру янычара на коне – вид чуть снизу, как если ты стоишь рядом на земле... «Я вернусь».

Я читала, что у нескольких поэтов шли такие же «картинки» – но, наверное, у всех по-разному. Мне очень нравятся поиски этих «законов появления стихов» у замечательного русского поэта Ефима Бершина – в нашем с ним интервью, напечатанном в «Интеллигенте. Спб» в октябре 2011 г. Если кому-то интересно вместе с Ефимом Львовичем ещё раз подумать над этим вопросом – очень рекомендую почитать.

– Вы участвовали в различных поэтических конкурсах, занимали призовые места. Скажите, что на Ваш взгляд в этих нематериальных соревнованиях является типичным, а что нет?

– «Типичным» для меня является то, что конкурсы – да и любые публикации – заставляют вас ещё раз критически пересмотреть какие-то свои стихи, иногда улучшить их, потому что приходится ещё раз строго спрашивать себя: а я бы стал такое читать, слушать или публиковать? Это всегда очень полезно.

Но, если честно, мне не очень нравится, что слово «соревнование» как-то подозрительно близко связано со словом «ревность», а стало быть, со злостью и ущемлённым самолюбием. В конце концов, любые оценки, суждения, места в поэзии – вещь весьма субъективная. Кто-то первое место присудит ананасу – потому, что он экзотичный и сочный, а кто-то – лимону, потому что без него просто-таки невозможно пить чай. А кто-то выберет малину – потому что именно такая росла у бабушки на даче и осталась самым сладким воспоминанием детства. И что теперь, обижаться?

Слово «конкурс» лучше, конечно: это просто «совместный бег». Помните, как бегали в догонялки две замечательные русские девочки, приехавшие на Эм. Лиру – мы рассказывали об этом в ноябрьском выпуске «Интеллигента. Спб» 2011 года. История умалчивает, кто из них бежал быстрее – но на фото видно, что им весело и хорошо, что они ужасно рады встрече. Вот ради этого и стоит ездить на фестивали: ради общения.

Продолжить знакомство с разными гранями творчества Н. Крофтс можно на её авторском сайте: www.artkavun.kherson.ua/natasha_crofts.htm

Майя ШВАРЦМАН

На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки
Ю. Левитанский

На развалинах Трои лежу
в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску.
Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо.
И только завли собаки
да газетный листок
на просошем ветру прошуршал.
Может – «Таймс», может – «Правда».
Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу.
Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа.
А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды
за нас подытожит,
всё запишет, поймёт –
и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу.
За себя. За атаку на Троию.
За потомков моих –
тех, что Троию когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают,
и тех,
что возьмут на себя
этот страшный, чудовищный грех –
и пошлют умирать – нас.
И вас... Как курёнка – на вертел.

А пока я лежу...
Только воют собаки и ветер.
И молось – я не знаю кому –
о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды,
действительно,
стала последней.

Над вечным покоем

Выйдешь на берег –
неслышно, как тень, молчаливо.
Станешь молиться
отчаянно, истово, вслух.
Снова кругом половодья –
и снова разливы
будут безбожно терзать
беззащитный мой дух.

Двух не бывает смертей? –
Всюду смерти и войны.
Глух – говорят –
к вопиющему пастырь небес.
Бес – говорят –
он попутает, будьте покойны!
...Берег. Рассвет.
И над плёсом колышется лес...

Теория относительности

На далёких планетах –
шуршание диких ветров,
ручейки не-текущие,
радуги странного цвета.
Это так далеко –
на чужих, инородных планетах,
где живут по законам
для нас непонятных миров.

Там, наверное, любят.
И плачут, и пишут стихи.
От страстей сотрясаются оси
и души – в ожогах.
...А отсюда нам кажется:
звёзды спокойно-тихи.
Только мы, на Земле,
захлебнулись в слезах и тревогах.

Ахейские затихли голоса,
Но те же речи повторяются снова.
Банальная незыблема основа:
«Аптека. Ночь – и света полоса».

Всё так же беззаботен почтальон,
Способствуя обману и обмену.
И снова уведут твою Елену.
Не за моря – в другой микрорайон.

Всё так же веселит Мадам Клико,
А ось трясут периоды исходов.
Меняются модели пароходов,
Но до Итаки так же далеко.

И снова мы бредём по пустырям,
Ослепшие – до одури – Гомеры,
Всё те же ритмы, рифмы и размеры
Гоняя по неведомым морям...

Юбилей Царско-сельского Лицея

Екатерина Асмус

Родилась в СПб, 11.10.1967 года. До 4 лет жила с родителями в Африке (Хартум) и Европе (Лондон, Париж). Образование высшее – художник-модельер. С 2000 года основная работа в кинопроизводстве. Профессии: художник-постановщик, автор-исполнитель, журналист, писатель, сценарист. Публикации: в многочисленных альманахах, сборниках и журналах. Написан и проиллюстрирован рисунками автора роман «Рок».

Укус цесаревича

История создания Императорского Царско-сельского Лицея известна многим, но совершенно под разными углами зрения. Большинство людей знают только то, что в этом учебном заведении вырос и развился поэтический дар русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Итак, откуда же взялся воспетый пиитами Лицей? Рассмотрим одну из небезызвестных версий.

В 1811 году, Император Александр Первый, уже вззошедший на престол после смерти своего несчастного и неудачливого в царствовании отца, Императора Павла Первого, повелел учредить Лицей, дабы спасти от неминуемого дремучего невежества своих младших братьев. Цесаревичи Николай и Михаил находились под зоркой опекой своей матушки, вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, которая никак не могла простить старшему сыну Александру участия в заговоре против собственного отца. Несмотря на то, что Александр всю жизнь отрицал даже малую долю причастности своей к страшным грехам отцеубийства и цареубийства, Мария Федоровна упорствовала в собственном мнении. Она не желала встречаться с сыном своим Александром ни под каким видом, равно как и запрещала встречи с ним младшим своим детям, с которыми проживала в Екатерининском дворце.

Младшие цесаревичи жили у матери вольно. Обучение было у них домашнее, и гувернеры всячески пытались потакать шалунам, лишь бы не снискать гнева их любящей матушки. Однако, когда до Александра дошли слухи, что кто-то из малышей покусал в отместку неугодного учителя, он в спешном порядке выехал в Царское Село и потребовал аудиенции у Марии Федоровны. Та приняла опального сына с неохотой. Александр, будучи человеком просвещенным, истинным западником и последователем дел царственной бабки своей Екатерины Второй, предложил матери проект Лицея. Смысл сего проекта состоял в том, чтобы упразднить для цесаревичей домашнее обучение и создать достойное учебное заведение с хорошими преподавателями и настоящей серьезной программой. Дабы цесаревичи не находились там одни, решено было принимать в Лицей дворянских детей из достойных российских семей, таким образом, организовав Николаю и Михаилу приличное окружение. Лицейские классы было решено устроить так, чтобы туда можно было легко попасть непосредственно из Екатерининского дворца, не выходя при этом на улицу. Так, вполне подходящим оказался флигель Екатерининского дворца, построенный в 1790-х годах архитектором Ильей Нееловым для великих княжон. Мария Федо-

ровна отступила под напором аргументов старшего сына своего, царствующего Императора Александра Первого и, вздохнув, дала свое согласие.

Возбуждение собственного действия

И завертелись колесики просветительской машины! Архитектор Стасов перестраивал флигель – создавал классы, комнатки для проживания учащихся (которые позже Саша Пушкин окрестил «кельями» за малый их размер). Либеральные министры – Сперанский и Разумовский разрабатывали программу обучения будущих деятелей «новой, преобразованной реформами России».

Важным моментом программы была демократизация отношений педагогов и учащихся. Запрещены были телесные наказания – неслыханное по тем временам воспитательное новшество. Напротив, педагоги должны были привить лицеистам умение самостоятельно мыслить, и это – во времена тотальной зубрежки! В «Постановлении о Лицее» было записано: «Главное правило доброй методы состоит в том, чтобы не затемнять ум детей пространными изъяснениями, но возбуждать собственное его действо».

Пушкин и Аристотель

19 октября 1811 года торжественно открылись двери в новый Храм Наук.

Счастливы, принятые в Лицей вступали в новую пору своей жизни. Торжественная парадная зала приняла первых воспитанников. Античные ро-

списи окружали их, напоминая о самой природе названия «Лицей», то есть «Ликей» – древнегреческая философская школа Аристотеля на окраинах Афин у храма Аполлона Ликейского.

Маленький Саша Пушкин, плохо знавший в ту пору по-русски, но в совершенстве изъяснявшийся по-французски, разумеется, тоже участвовал в торжественном открытии Лицея. Добрейший весельчак, дядюшка Василий Львович, будучи не последним в Петербурге человеком, пристроил племянника в новейшее учебное заведение, чем и спас его от запечного существования в усадьбе отца, где компанию будущему светилу российской поэзии могла составить разве что верная Арина Родионовна. В ряд стояли мальчики 12-14 лет, те, кому суждено будет стать яркими звездами в российской истории. Пушин, Дельвиг, Бакунин, Кюхельбекер, Данзас...

Тридцать новоиспеченных лицеистов готовились вступить в мир наук точных и наук нравственных. Но – не тридцать два! В последний момент Мария Федоровна наотрез отказалась отпустить в Лицей цесаревичей Михаила и Николая!

Царскосельский душегубец

Множество хвалебных од и статей написано на тему обучения лицеистов, о педагогах и директорах сего весьма почтенного заведения. Однако, случались и рискованные шалости, и прогулы, и побег из стен Альма Матер для тайных свиданий с прекрасными дамами... Дружеские попойки, песни, стихи до утра... И убийства... Вот эта темная сторона истории Лицея и привлекла некогда внимание сценариста Дмитрия Миропольского. Так родился проект фильма «18-14» («Восемнадцать-четырнадцать»). Название обозначает возраст лицеистов второго года обучения. Страшная кровавая история произошла в Царском Селе как раз в этот период. Полиция находила трупы людей с одинаково перерезанным горлом. Определено было, что человек этот весьма силен. И убивает ради денег. Документальные факты гласят, что действительно, в этот период в Царском Селе орудовал некто Сазонов, бывший некоторое время в слугах у Пушкина. Александр, узнав, кто ежедневно чистил ему сапоги и подавал сюртук, со свойственной ему ироничным отношением к действительности, написал известную эпиграмму:

**«Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим».**

Для хорошего фильма не хватало героической развязки, и тогда сценарист предложил свою версию: неизвестно, долго ли искали бы нерадивые

стражи порядка страшного убийцу, если бы не... лицеисты! Именно они распознали в одном из лицейских «дядек» (некто вроде денщика), состоявшем при Пушкине, самого «Царскосельского душегубца».

«18-14»

Фильм по сценарию Дмитрия Миропольского вышел на экраны в 2007 году. Страшного «царскосельского душегубца» сыграл обаятельный артист Сергей Гармаш. Также в съемках фильма приняли участие замечательные мастера – Богдан Ступка, Федор Бондарчук, Алексей Гуськов, Евгений Дятлов, Александр Баширов, Сергей Барковский, Эмилия Спивак, Наталья Суркова, Игорь Черневич и многие другие. Кастинг лицеистов продолжался особенно долго. Перед ассистентами стояла нелегкая задача – найти мальчиков, имеющих опыт актерской работы, но выглядящих на 14-18 лет. Стас Белозеров, сыгравший роль Александра Пушкина – одну из главных ролей в фильме – был утвержден режиссером буквально за несколько дней до начала съемок.

Все фотографии, размещенные в этом разделе, иллюстрируют рабочие моменты съемок картины «18-14» и принадлежат известному Санкт-Петербургскому кинофотохудожнику Алику Кадинскому.

В честь юбилейного года Царскосельского Лицея, из этих фотографий была создана экспозиция, кочующая ныне по библиотекам Петроградского района Санкт-Петербурга. Торжественное открытие состоялось в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, 6 июля, в голубой гостиной Центральной районной библиотеки им. А.С. Пушкина.

И, разумеется, фотоработы Алика Кадинского из этой серии есть и в Мемориальном Музее – Лицее и в Пушкинском доме на Мойке, 12.

Фото: Алика КАДИНСКОГО

Любовь Антонова

Родилась и живёт в Вильнюсе. Закончила Вильнюсский инженерно-строительный институт. Пишет стихи и песни. Участник и призёр фестивалей русской поэзии в Литве. Стихи опубликованы в сборниках «Когда времена отлетают, как листья» (2006 г.), «Лоскутное одеяло памяти» (2007 г.) и «На перекрёстке чувств» (2009г.), в газете «Российский писатель», а также в периодических изданиях и литературных сборниках, изданных в Литве. Председатель общества авторской и народной песни «Прикосновение музыки», г. Вильнюс, член поэтической студии «Плеяда», г. Вильнюс.

Финалист международного конкурса поэзии «Пушкин в Британии», 2011г. (г. Лондон). Член Союза писателей России.

Круг жизни

По кругу жизни я опять бегу
Взбираясь в гору, падая на снег,
Ускорив, а потом замедлив бег,
Оставив друга, на поклон к врагу.
Потом, раскаяюсь, поверну назад,
Но натолкнусь на стену: хода нет,
Мне не вернуть ни светлых дней, ни лет:
Всё в прошлом — юности восторг
и взгляд...

Вновь побегу с гримасой на лице
Я, задыхаясь, по большому кругу
К нему, последнему врагу и другу —
Покою: он там ждёт меня в конце.
В конце чего? Когда замкнётся круг,
Тогда пойму. Взлетев душой, как птица,
Я, может быть, ещё смогу присниться
Тому, кого оставил глупый друг.

Капелька дождя

Мотив унылого дождя
Мне откровенно лезет в душу,
Невзрачный плод сырого дня
Омыт им и слегка надкушен.
Висят, как плети, косы ив,
Сидят рядом под стрехой птицы.
День сер, как мышь, и так дождлив,
Что кажется мне, будто снится
В кисель размякшая земля
И струи слёз на лицах окон.
А у дороги тополя,
Укутанные в мутный кокон
Всё той же влаги, так грустны,
Что их печаль моей не слаще.
Даёт же Бог такие дни:
Я завтра снова буду кашлять.
Но дождь имеет свой предел:
Там, в небесах, у самой кромки
Туманный полог поредет,
Раскат пронёсся мощный, громкий.
Выходит, дождь не навсегда?
А вот с печалью дело хуже:
Туда не ходят поезда,
Куда ты рвёшься. И не нужен
Ты никому там, вдалеке,
И злой печали всё едино.
День тихо вновь пошёл в пике,
А вечер смуглым господином
Вальяжно входит на порог,
Не скинув шубу тёмной масти.
День отступил: он так продрог
В безумной, беспредельной власти
Слепого, мутного дождя,
Что предпочёл упасть и скрыться...
Бреду в свою постель и я
С дождинкой горькой на реснице.

Не хочу...

Нет мыслей о возврате, хоть убей!
О том, что было, я уже не брежу,
Ещё вчера кормила голубей
И, вместе с ними, глупую надежду.
Лелеяла, ласкала день-деньской,
Укладывала спать, кормила кашей.
Но превращался в суету покой,
Надежде было плохо в доме нашем.
Ушёл ты налегке, она — вослед.
А я осталась, победив без боя.
Теперь, когда надежды больше нет,
Так много в доме лишнего покоя.

Прибалтика

И все-таки возврата не хочу:
Я ненавижу собирать осколки...
И лишь во сне опять к тебе лечу
На свет звезды пронзительный
и колкий.

Между старых гардин...

Между старых гардин
Притаилась печаль,
Притворившись ещё одной складкой.
День — седой господин —
За февральский рояль
Сядет молча, вздыхая украдкой,
И сыграет мотив.
В нём, как в жизни, в судьбе,
Вслед за грустью — мажорные ноты.
Солнца лик уронив,
За леса, на покой
День уйдёт без особой охоты.
Впрочем, нет! Горизонт
Потемнеет не вдруг —
Заалеет закат на пороге,
А затем алый зонт
Сменит облачный круг,
Выше месяц качнётся двурогий...
Меж гардин, чуть дрожа,
Зябко вьётся печаль,
Притворившись полуночной тенью.
Ночь войдёт — госпожа —
И бесценный Грааль
Принесёт из страны сновидений.

Георгий Почуев

Почуев Георгий Иванович, 1945 года рождения, образование высшее, инженер, член Международной ассоциации писателей и публицистов. Живет в Вильнюсе, Литва. Автор двух сборников стихов — «Излучина реки» (2007 год) и «Притяжение синевы» (2009 год). Победитель конкурса переводов поэзии на сайте Youngblood.ru (2007 год). Подборки стихов и статьи автора опубликованы в газетах «Обзор» и «Литовский курьер», Вильнюс, «Российский писатель, зарубежный выпуск», Москва и во многих выпусках поэтических альманахов в Литве и в России. Руководитель студии «Плеяда», Вильнюс.

«По гордой лире Альбиона...»

По гордой лире Альбиона
По временам поэт скучал,
Была Евтерпа благосклонной
К ней от шекспировских начал.

Поэзия рекой широкой
Впадает в море Красоты.
От самой древности глубокой
Её разливы просты.

Причудливы её извивы,
Шум водопадов величав.
Её вода питает нивы...
И волны в солнечных лучах

Сверкают россыпью жемчужной...
Питают реку родники,
Что выбиваются наружу
Из-под земли. Все уголки

Дарящей рекам жизнь планеты
Издревле посещал Орфей
И раскрывал свои секреты,
Как «горы с гибкостью ветвей»

Заставить до земли склониться,
И музыкой глушить печаль...
Стихи не ведают границы.
Все лиры да хранит скрижаль!

* * *

Плюс три. Февраль. В слезах деревья —
Капель по душам, что ушли...
Текут снега и льды издревле.
В ручьи стекают февраль.

Сосулек блеск украсил крыши,
Капель — куда ни посмотри.
И лишь глухой её не слышит.
Текут снега. Февраль. Плюс три.

Пушкину

Поэт великой чистоты,
Непостижимой высоты полёта,
Певец любви и красоты,
Ты светишь строчкой искромётной.

Твоей заветной лиры звук
Нас покоряет волшебством созвучий,
Передавая сердца стук,
В бессмертный мир твоих
стихов влекущий.

Сквозь времена твоя любовь,
Как камертон, настраивает души,
Вплетаясь песней в жизни новь...
Такой любви злословьем не разрушить.

И вдохновенная строка
Твоя прекрасное возносит к звёздам.
Бурлит стихов твоих река.
Творения твои — целебный воздух.

И как бы мы твой дивный слог,
Твой дар в своих речах не возносили,
Вовек не счесть всего, что смог
Ты совершить для нас и для России.

Меланхолический этюд

В октябрьских сумерках с дождём
Размыты влагой силуэты.
И серой мглой я побеждён,
Тем притягательнее эта,

Вся в сочных яблоках огней,
В лучистых, ярких ореолах,
Калитка вечера, я к ней
Приблизился по чьей-то воле..

Рассеянный блуждает взгляд
Во власти сумрачной картины.
Я краем глаза вижу ряд
Огней, ныряющих в пучину.

Вблизи мерцает гладь реки
Под цвет темнеющего неба.
Мрачнеет всё, лишь огоньки
Горят всё ярче, не тускнея.

Меланхолический этюд
Природы и огней фонарных
Не навевает грусть, отнюдь —
Чарует. Мягко, лучезарно.

Завет

Кириллицей в строку
Укладываю время.
Крылатый мой скакун
Стремится сбросить бремя

Уздечек строк моих,
Натянутых, как струны —
И медных, и стальных...
Но тугоух подлунный.

В отечестве своём
Уже нигде не числюсь.
Уже не наш наш дом.
Но часто там все мысли.

Одно спасенье — речь,
Завет священный дедов.
Хочу её сберечь.
И лира знает это.

Марина Викторова

* * *

В лучах, пронзающих пространство,
В их солнечном, слепящем свете
Торжествовало постоянство
Имён и чисел на планете...

А где-то близко, между ними,
В полосках голубых теней,
Моё просвечивалось имя...
Тем совершенней, чем бледней.

* * *

Ребристой жизни хлопотная осень
С заплаканным, обветренным лицом
То сетует, то мечется, то просит,
То спорит о судьбе своей с Творцом.
Линует будни в спешке, негодуя,
Разбрасывает жухлую листву,
К теплу весны отчаянно ревнует,
Выживая счастье на блесну.
Безумна, непокорна, бесшабашна,
До первых настоящих холодов
Со снежною смирительной рубашкой
И колдовством предновогодних снов.

* * *

Гуляет вечер пьяный в переулках,
Бьёт крыльями оконных рам сквозняк,
С друзьями сын уходит на прогулку...
Я вновь разбавлю памятью коньяк
В бокалах наших жизней недопитых,
Где, привлекая любопытный взгляд,
Похожие разбитые корыта
В Гайд-парке и на Ратушной стоят.
Из множества подобных инсталляций,
В бессменности царапающих глаз,
Они, как символ двух капитуляций,
Роднят и размежёвывают нас.
Гуляет вечер пьяный в переулках,
Бьёт крыльями оконных рам сквозняк,
Взрывает душу тишиною гулкой,
И без тебя не дышится никак...

* * *

Хлебнув страстей, отпили от разлуки,
В который раз по полной отгребли,
И, обессилив, опустили руки
У постаревшей, сгорбленной любви.

* * *

Взбивает дождь подростские каштаны,
И, притворяясь кроткой и немой,
Я подставляю вскрывшиеся раны
Для омовенья вешнею водой.

* * *

Мне сонно и маотно. Это ли осень
Сурово и нехотя бродит меж сосен...?
В толпе - недовольные, мятые лица...
Мне сонно? Иль всё это мне уже снится?
Тоска одиночества хлопьями снега
Под влажною тяжестью падает с неба,
Надежда в глазничных проталинах тает,
Ах, Господи, как же тоска угнетает!
Мне маотно... Сердце не стонет,
не плачет -

Под гнётом молчит...

Это, видимо, значит,
С природой синхронна душа моя, соня,
Тоскливо обeim — у них межсезонье...

* * *

Могу касаться, слышать, слушать
И только с горечью жалеть,
Что я уже не стану лучше,
Что жизнь не отмотать на треть.

Что тяжкий груз мятежных буден
И ежечасных войн с судьбой,
Посилен путь мой или труден,
На веки вечные со мной,

Паразитирует поганец...
А мне бы взять да скинуть прочь
Изжитых дней походный ранец,
И снова - в бездну, в тайну, в ночь,

К тебе! Касаться, слышать, слушать,
Молчать, смотреть, благодарить
Заблудшую судьбу и случай
За невозможность не любить!

* * *

Опять царит зима в разгаре лета.
В душе дрейфуют айсберги обид,
Знобит в морозном инее рассветов,
Цинизмом зорь вечерних леденит.

Что Альбион?.. Нет будущего. Поздно.
Июньский полдень холодно-дождлив,
А по ночам мерцают льдинки-звёзды
Сквозь тонкий полог цвета спелых слив.

Ползёт ледник по вымерзшей планете,
Скрипит Земля в глазури ледяной,
Не вижу смысла притворяться йети,
Нетеплокровный, равнодушный мой.

Владимир Алейников

Поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился 28 января 1946 года в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Работал в археологических экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер легендарного литературного сообщества СМОГ. Начиная с 1965 года, стихи публиковались на Западе. При советской власти на родине не издавался. Более четверти века тексты его широко распространялись в самиздате.

Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии Андрея Белого, премии журнала «Молодая гвардия», газеты «Литературные известия», Международной Отметины имени Давида Бурлюка. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик». Награждён двумя медалями и орденом. Живёт в Москве и Коктебеле.

Будто бы сверху,
Вне бухгалтерий и смет,
Как на поверку,
Пух тополиный — и свет,

Связаны прочно
С каждой частицей души,
Плещутся, точно
Вырвав своё: разреши!

Духом единым,
Искренне, как на духу, —
Как им, родимым,
Реется там, наверху?

Свыше так свыше —
Не уберечь никому,
Ветру за крыши
Рваться уже ни к чему.

Косноязычие,
Века хранящее дух, —
Полчища птичьи,
Вздых тополиный — и пух.

Всё это снова
Живо — и удержу нет, —
Верное слово,
Дух безграничный — и свет.

Когда бы пионам в срок
Раскрыться, — помилуй, Бог,
Откуда бы взять урок
Терпенья и ожидания?
За днями тянулись дни,
Но ты-то сейчас взгляни,
Насколько пышны они —
Поры своей оправданье.

Китайский бы мастер смог
Вдохнуть на листе в цветок,
Как будто бы между строк,
Сквозящее понимание
Того, что не надо фраз,
И сердцу подскажет глаз,
Что жизнь их и в этот раз —
Прощанье и поминанье.

Жалеть же их смысла нет —
На то и дарован цвет,
Чтоб глубже таить ответ
На косвенные вопросы —
Они не впряжуют, брат,
Поставлены, лету в лад, —
И кто там, скажи, не рад,
Что солнце посмотрит косо?

Пропусту тепло —
Полосами пыли
Шёл, куда вело,
Там, где накопили
Этот вот настрой
Строгости и страсти
Где-то за горой
Выигрышной масти.

Кости бы прогреть,
Вытянуть суставы,
Нехотя смотреть
Влево или вправо,
Мысли бы собрать,
Бросить без опаски
Жажущих играть
Происки и сказки.

Кто бы ни хотел
К тайне приобщиться,
Как бы ни потел,
Дабы научиться
Чуять миг любой, —
Должен хоть немного
Быть самим собой,
Ибо всё — от Бога.

С поднятой головой,
Вглядываясь, вбирая
То ли остатки рая,
То ли костяк сарая
В мир обречённый свой, —
Жизнь предстоит вторая —
Встретимся за листвою.

Полно хандрить, встряхнись,
Выпрямись одичало, —
Всё, что вчера прощало,
Щурилось и вешало —
Это не даль, а близь, —
Что бы там ни встречало —
Не пропадай, вернись.

Сотканы из тоски,
Собраны из печали
Дней, что права качали,
Щерились и ворчали,
Стынувшие годки, —
Склеить бы, как вначале,
Скомканные куски.

Не поддавайся, встань, —
Всё это, брат, зачтётся,
Всё это там прочтётся,
Где о тебе печётся
Тот, кто глядит за грань, —
Им-то уж учтётся
Вздых твой в такую рань.

Кому доверять?
Проведав растенья,
Готов потерять
Свои обретенья.

Какая-то тля
На листьях роится,
Плодится, — и, зля,
Двоится, троится

Какая-то пыль,
Чешуйки и споры, —
Пора бы в утиль
Сдавать разговоры.

Слоится труха
Распада и тлена,
Словес вороха —
Уже по колена.

И ленистый пыл
Вселенского жора
Заходит к нам в тыл
В июньскую пору.

И зреющий жар
Уже в затрудненье —
Ожогом сквозь пар
Грозит промедленье.

Что сбудется? Бред?
Его ль заслужили?
Не атомы, нет, —
Умы разложили.

Отсюда разлад,
Сквозенье напасти,
Не мор и не глад —
Агония власти.

Что же свидеться так мешает
С этой степью, чья речь жива?
Всё, что вдруг за тебя решает,
Чтобы горше найти слова.

И тогда я понять стараюсь
Расстоянья тяжёлый гнёт —
И вжимаюсь в него, смиряясь
С тем, что ночью крылом всплеснёт.

Всё пройдёт — и потом однажды
Золотая придёт пора,
Где прилив испытаю жажды,
Оказавшись, как есть, с утра

В этой области, чуда ждущей,
Чтущей памяти весть и власть,
Без оглядки меня ведущей
В мир, где к свету смогу припасть.

В связи с наступающим Днем Победы — победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, поздравляем всех ветеранов фронта и тыла, защитников Отечества, отстаивших право народов мира быть свободными. Отдельное поздравление военному корреспонденту и писателю из г. Костомукши Павлову Павлу Павловичу..

Редакция медийной группы
«Интеллигент»

ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ РОССИИ

2 апреля 2012 года в уютном зале Центра международной торговли г. Москвы состоялась Всероссийская конференция «Честь по труду», собравшая уникальных людей, являющих собой славу и гордость России. С основным докладом перед собравшимися выступил председатель Центрального правления ВОО «Трудовая доблесть России» Алексей Гаврилович Лёвин:

В работе конференции принимали участие заслуженные люди России — герои, кавалеры государственных наград, лауреаты государственных премий, ученые, военачальники, те, для кого труд был и остается делом чести, доблести и героизма. В зале была представлена вся великая Россия — от Камчатки до Калининграда, от Мурманска до Кабардино-Балкарии. Это красноречивое подтверждение того, что для добрых дел расстояния — не преграда. В зале присутствовало 39 делегаций из регионов России, более 40 делегаций — ассоциированных членов, в том числе Академия труда и социальных отношений, Российское общество инженеров строительства, Электростальский завод тяжёлого машиностроения, МГТУ им. Баумана, НП Центрстройэкспертиза и другие. Участниками форума явились Герои страны, космонавты, военачальники, учёные, артисты, инженеры, рабочие, врачи, учителя, учащиеся и студенты.

Творческую интеллигенцию, как всегда, награждали по представлению оргкомитета Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». Были награждены Николай Сличенко, Любовь Гордина, Елена Кондулайнен, Андрей Скляров, Сергей Пашков, Вячеслав Барыбов и другие.

— Дорогие друзья! Мы с вами — созидатели. Мы — гвардия, стоящая на страже интересов человека труда, на защите нравственных рубежей. Думаю, выстоим, ведь гвардия не сдаётся. Только надо верить в себя и в дело, которому мы служим и будем служить. Это дело — наша Родина — Россия! — завершил конференцию

А.Г. Лёвин.

С. Пашков

В. Барыбов

Петр Накладчевский

Пётр Накладчевский родился 24 июня 1955 года. Окончил Московский автодорожный техникум, Московский строительный институт, по профессии инженер-строитель. Долгое время работал в районах Западной Сибири. Волею судеб объехал бывший СССР с Севера на Юг, с Запада на Восток, отдав 30 лет строительству. Ещё больше уверился в величии и красоте простого труженика, в его доброте и большой любви к своей Родине, к её неповторимым красотам. А стихи – только отдушина для выражения чувств и впечатлений.

Ранее печатался в СМИ России, Израйля, Польши, Германии, Болгарии, Молдавии, Южной Осетии, США. Автор восьми книг прозы и стихов. Член Международного союза писателей «Новый Современник», автор-участник Московского Салона Литераторов. Автор-исполнитель песен.

Зимний день

Ну разве не прекрасно бытиё?
Ну разве не прекрасен зимний день,
Когда заглянет солнце вдруг в окно,
И зазвенит весенняя капель?

Когда простор небесный бирюзой
На миг свои глубины обнажит,
И вдруг повеет в воздухе весной,
И память детства время освежит.

Играет бытиё в свою игру:
Зима таит в себе рассвет весны,
Дождя прохладу в летнюю жару
И золото кружащейся листвы.

Средь февраля пробудится апрель
И царство снега солнцем расколдует.
Не верь глазам своим,
лишь сердцу верь,
Ты слышишь,
как оно весь день ликует?

Сегодня необычный зимний день:
Нарушив распорядка очерёдность,
Зима вдруг дарит солнце и капель,
И в жизнь необъяснимую
влюблённость.

Сегодня бытиё раскрыло вдруг
Величья неразгаданную тайну
И разомкнуло свой извечный круг
По-детски непосредственно –
случайно.

В единой точке всё заключено,
Единый миг в себе
содержит вечность.
Я распахну зимой своё окно
И в дом впусчу
весеннюю беспечность.

Кружит над жизнью

Кружит над жизнью злая выюга,
Метель все души замела.
Теряем в жизни мы друг друга,
Теряем то, что жизнь дала.

И безвозвратен бег столетий,
И забываем мы порой
За бездорожьём лихолетий,
Что есть и счастье, и покой.

Зима завьюжила снегами,
И душу сковывает в лёд,
А жизнь дорожная земная –
Лишь прерванный её полёт.

Упала камнем неизвестным
И окунулась в волны дней
Из дальней дали поднебесной,
Куда взлететь всего трудней.

Голубка белая, святая,
Прекрасная моя душа!
Как оказалась здесь – не знаю,
А снег всё кружит, не спеша.

А снег всё кружит, белой стужей
Тропинки лет заметены,
Но луч любви ворвётся в души,
И возродится свет из тьмы.

Волшебный сон

Когда в волшебном сне
Являлась ты ко мне,
Ушедшая из мира в вечность,
Я улетал туда,
Где кружатся года,
Соединившись в бесконечность.

И полночь золотой звездой
Переливалась в сне чудесном,
И я кричал тебе «Постой!»,
Мне вторила ночная бездна.

Но, свет небрежно разбросав,
Ты звёздами повелевала,
В небесной выси, в облаках,
Как ангел, призрачно летала.

Ты ангелом моим была;
К тебе воззвал в последнем крике,
И в море рухнула скала,
Свет отражая в дивном лице.

И море вспенилось тотчас,
В алмаз гигантский превратилось,
И крик в том зареве угас...
Как жаль, что это только снилось.

Как жаль, что мимо ты прошла,
Не удостоив даже взглядом.
Ведь ты вне времени была,
Но всё равно была ты рядом.

Молдавская деревня

Оттого, что здесь пахнет
и хвоей, и терном,
И у встречающих мужчин
в бородах седина,
И что женщины гаснут
до времени в чёрном,
Усмиряется плоть
в чёрном платье затворном,
Оттого, оттого здесь видней старина.

Гонит мальчик по склону
вечернее стадо.
Чья судьба одарила печалью глаза?
Потухающий свет. Серебро водопада.
И на камне зажжённая
гроздь винограда –
Незаметно в расщелине вьётся лоза.

Этот свет перед сумраком
длится мгновенье,
И поспеть надо до темноты к очагу,
За ущелье, в долину,
где в дальнем селенье
У камина, как будто в ином поколеньи,
Я к истокам своим прикоснуться могу.

Я почувствовал
светлую радость начала
В затихающем на ночь
молдавском селе.
Радость слову,
которое гостя назвало,
Радость гостю,
когда нас ещё было мало,
Когда нас не хватало ещё на земле.

Здесь на завтра огонь
сохраняют вчерашний,
Вытекает из прошлого века родник,
И с румынских времён здесь
могилы и пашни,
И, мне кажется,
до разделившей системы
Знал и я выдыхающий слово язык.

Московский Салон Литераторов

Будто гор и деревьев глухие названия,
И небес, и пророков,

и каменных стен,
И стихающий шепот столетий –
преданья
Нужно передавать
из дыханья в дыханье,
Губ касаясь младенцев
грядущих колен.

Лица юношей, как
на старинных иконах,
Лай собак, отдалённое ржанье коней,
И предчувствие жертвы
в уснувших загонах,
Память здесь вырастает
на каменных склонах,
Ей нельзя удержаться
без цепких корней.

Здесь имён своих
прежних забыть не успели,
Потому что смотрели
ушедшим во след,
Потому что дышали
гортанью свирели,
Потому что тянулась рука
к колыбели.
Подойду и качну свои тысячи лет.

Послушай себя

И пишется слово,
и часто моргает лампада,
И светится время,
что вырвано словом из тьмы.
Пиши, летописец,
хотя никому и не надо
Твоих откровений
в начале бескрайней зимы.

Подуй на ладони,
в окно посмотри и за дело.
Послушай себя,
что услышал в душе, запиши.
Так быстро уходим.
За тенью торопится тело.
А вдруг и останется
облачко, капля души.

А вдруг не исчезнешь ты,
пасынок снежной державы,
Который испуганно сопротивляется злу.
Негромко уйдёшь
и появишься тоже без славы.
Кому воздавать,
если тайно писалось, хвалу.

Воскреснешь и шелку продышишь
в пространстве ледовом,
В спрессованной мгле отдалённый
засветится час,
И вырвется мёртвое время
единственным словом,
Созвучьем, уже в словарях
не означенном, – аз.

Пожалуйся мне, человек,
не приемлющий злобы.
Перо наточи и лампаду
поближе подвинь.
Холодная мгла за окном.
За порогом сугробы.
Да будет услышано
тихое слово: «Аминь!»

Ну, слава Богу!

Ну, слава Богу! Все при деле.
К концу идёт ажиотаж.
Сидят все в Думе, кто хотели,
И делят хлеб последний наш.
Не подступиться. Справа, слева,
По центру делят каравай,
Такая ушлая орава.
Ты только рот не разевай.
Досталось меньше – то в обиду.
Где уж тут помнить про людей.
Иль, может, это всё для виду?
Таких мы видели (счастливых дней).
Кто в думе делает погоду,
С благою целью вас любя,
Отдайте что-нибудь народу,
А не гребите под себя.
Уже прошли мы всю науку,
Всё перепробовал народ.
Уж было – Лебедь Раком Шуку,
А Шука их – наоборот.
Утихомирьтесь, помолчите,
А то не слышно вас совсем.
Вы очень многого хотите,
Чтоб сразу всё и сразу всем.
Пора б прийти к какой-то цели,
А не стоять вам на распутье.
Нас очень многие имели,
Пускай попробует и Путин.

Как часто слышим мы слова

Как часто слышим мы слова:
«Ах, если б снова нам родиться,
То б не болела голова
О том, где надо нам трудиться».
В бандиты точно б не пошёл,
Там курят травку и стреляют,
В покое редко оставляют,
Зато не трудишься, раз вор,
Не стал бы лезть в интеллигенты:
Учитель, врач и инженер.
Отбросив светлые моменты,
Давно бедны сверх всяких мер.
Не стал бы пахарем, рабочим,
Шахтёром, даже моряком...
Давно без денег, между прочим.
(Я сам со многими знаком).
И остаётся – быть банкиром,
Ментом, военным, но в Чечне.
Кого куда кормят Миром,
Но рядом держат на ремне.
Не стал бы даже президентом,
Что «думцы» правят? Всё – обман.
Давно их, пользуясь моментом,
Прибрал к рукам какой-то клан.
И правит нами эта сволочь,
В чужую шкуру каждый влез.
И в чукчи лезет Абрамович,
А Березовский – стал черкес.
Докуда ж нам в своей России
В изгоях, рубище ходить?
Чтоб для детей свой хлеб просили?!

Уж раз родились – надо жить.

СНЕГ

глава из романа
«Дом Романовых»

Желтоватый потолок, в пятнах протечки по углам, краска кое-где висит лохмотьями. Проснувшись разом и вдруг, долго смотрел на эту «контурную карту», пытаюсь понять, что же происходит. Потом обвел глазами комнату. Чисто, аккуратно, все на своих местах. Что же происходит? Посмотрел в окно.

За окном ветка тополя с несколькими ржавыми листочками покрыта густым слоем инея, на котором солнце играет, слепит глаза.

Ах, вот в чем дело. Ничего не снилось! Впервые за... сколько же времени прошло? И не мучают боли в ногах. И голова впервые ясная, холодная, как эта ветка за окном.

Вспомнил, как его привела в эту комнату... как же ее зовут? Кажется, Аня. Где она? Наверно... ну да, она же проводницей, верно в рейсе.

Поднялся и сел на кровати. Долго сидел и совершенно беспричинно улыбался. Пол деревянный приятно холодный. Рядом на спинке стула одежда, джинсы старенькие и синяя рубашка. А форма где?

Встал, прошелся по комнате в одних трусах. Заглянул в шифоньер старенький. Вот и форма. И все, что было в карманах, тоже на месте. Взял со стола сигарету, закурил. Потом подошел к окну, дотянулся до форточки и открыл. И от снега, плотным, пушистым слоем укрывшего землю в небольшом палисаднике под окном, от звуков недалеко пробежавшей электрички, от карканья вороньего, от спящего солнца застучало глухо в груди, и вспомнил все, почти все.

Хирурга госпитального Афанасия, что поднял его, заставляя ходить через силу и когда уж совсем неспособен, то еще минут пять. Аню, что пригрела его где-то в дороге и приютила. И даже ночные кошмары, когда просыпаешься от собственного крика и боли и тут же натыкаешься на теплое, мягкое, женское. И прижимает тебя к груди и, как маленького, нянькает, пытается успокоить. И слезы горячие каплями на своем лице, пока не забудешься под утро тяжелым сном. И хождения по Москве с утра и до позднего вечера, из конца в конец, вдоль и поперек по улицам и переулкам, по дворам и пустырям, не разбирая дорог... только идти, идти, идти. Пока от боли в ногах – искры из глаз и пот холодный по спине. Потом, совсем не важно где, долго сидеть, тупо глядя в землю себе под ноги. И уже в полной темноте, каким-то звериным нюхом, находить дорогу к этой двухэтажной деревянной развалюхе, затерявшейся между заборов, гаражей и заброшенных котлованов где-то недалеко от Савеловского вокзала, подделенной на коммуналки, теперь всеми забытой, вместе с её многочисленными жильцами.

Про войну и вспоминать нечего, она жива и так – постоянными кошмарами ночными и болью напоминает о себе. Только вот сегодня чуть-чуть отодвинулась в сторонку, освободив место этому первому морозному утру, заиндевелому тополлю, поросше снежной небольшой, даже не прикрывшей траву, дымку сигаретному, что тонкой струйкой стелется по окну и улетает в форточку.

Как был босиком, прошел в туалет, испугав невзначай выходившую оттуда толстую старуху, которая очень даже проворно для своих лет шмыгнула мимо него на кухню. Потом, пока наливал в чайник воду из-под крана, она, молча, стояла посреди большой кухни, сложив руки на животе и поджав губы, наблюдала исподлобья за его действиями.

В комнате включил электрический чайник, в холодильнике обнаружил сыр, масло, на полке – батон хлеба и банку растворимого кофе. Позавтракал неспешно и долго сидел, вытянув вперед по столу руки.

Надо жить дальше. Как и зачем – не важно. Надо, и все тут, какие еще могут быть соображения, когда тебе только двадцать два с небольшим, позади страшное, впереди неизвестно что. Надо жить.

Дверь открывается настежь, сразу холодок по полу. Входит мужик, лет под тридцать, в ватнике промасленном. Нигде среднего, худощав, небрит, может, неделю. От него пахнет битумом, соляркой и перегаром. Солдат даже не повернулся к нему, только чуть напрягло лицо.

Скинул ватник у порога, прошелся по хозяйски по комнате, стул ногой двинул и сел спиной к окну. И зависла пауза настороженная. Потом достал из помятой пачки «Ява» сигарету, отломил фильтр и, бросив в пепельницу, потянулся за зажигалкой, что посреди стола лежит. Только другая рука на секунду раньше легла на нее, закрыла.

Мужик криво ухмыльнулся, свою зажи-

галку достал:

– Ты кто?

И без ответа повис вопрос. Только взгляд внимательный, но спокойный, не агрессивный.

– Ладно, поставим вопрос иначе: надолго, парень, приклеился? Долго еще будешь тут без меня Ньюрку, женку мою, пользоваться? Ты что, контуженый, глухой, что ли? Не смотри на комплекцию, могу и по рыльнику пройти, с другой стороны харю тебе раскрашу для симметрии.

Только было начал солдат движение на подъем, на попятный пошел мужик, вычислил мгновенно, что дело может плохо для него кончиться.

– Сиди давай, это я так, к сведению. Вообще, хрен с вами, живите, трахайтесь, как хотите. Ньюрка... она ничего, ладная, еще найду. Только... – замаялся вдруг и совсем скис. Как опытный попрошайка занюнил: – Тыщонку или две не подкинешь? Больше и не надо. Понимаешь, не хватают. И не приду больше, будь спок. Должен понять – душа горит.

Солдат молча встал. Из шифоньера, из гимнастерки, достал бумажник. Почти не глядя, достал стольник зеленый и кинул на стол.

Увидел форму мужик и заявил еще больше:

– Ты что, дембель, что ли? А чего ж молчал? Мы сейчас по этому поводу, – потянулся через стол и зажал банкноту в грязном кулаке, заголил. – Это мы мигом. Ты что потребишь?

– Но увидел, что дверь уже для него открыта, и ватник от пинка «отдыхает» в коридоре. – Так бы сразу и сказал. Понял, понял и ужоу. А у бака курс сейчас какой, не в курсе?

Бочком протиснулся в дверь и прикрыл за собой тихо. Только, видно уже в прихожей, матюгнулся пятиэтажно, зло, с вывертом и дверью входной грохнул.

Не торопясь, достал форму, оделся, берет – на затылок, еще раз просмотрел документы, вышел на улицу. Солнце октябрьское последнее тепло отдает, жует и превращает в лужи первый снежок. Пахнет арбузами, что последними небольшими горками лежат в палатках, под присмотром.

Нет, видно еще долго будет сводить скулы от вида «лиц кавказской национальности». Прошел несколько сот метров, по дворам. Мимо ржавых жестяных гаражей и новеньких «ракушек» с номерами, вышел на широкую улицу и сразу попал в круговорот людского потока, идущего с электрички. И вместе с толпой спешащих на работу людей, а точнее, захваченный движением этого потока, спустился в метро – первый раз в жизни.

Обманчиво солнце в конце октября. На выходе из метро, на «Чеховской», встретили его порывы ветра, набежавшие серые тучи, накрывшие холодным, секущим по лицу дождем со снегом.

Куда, зачем вышел? Можно было поваляться в теплой чистой постели, подумать о житье-бытье и, может быть, придумать что-нибудь дельное. Вот нет же, поперся куда-то.

Тверская пестрила то и дело норовящими улететь зонтиками, осенними куртками, плащами. От Пушкинской, увидев Исторический музей, пошел к Красной площади, поминутно заходя во все подряд магазины, рассматривая с любопытством цифры на ценниках, яркие рекламные щиты...

– Пианист! Пианист! – выдернулось над толпой, пытаюсь попасть именно ему в уши. – Сашка, черт полосатый, стой же!

Улыбающееся до ушей лицо. Парень в джинсах и черной кожаной куртке с множеством блестящих заклепок. Чернявый, с правильными тонкими чертами, вот разве что нос малость подкачал, чуть вздернутый. Догнал и обнял крепко, кости затрещали.

– Черт, я вначале не поверил, что ты.

Прошел уже мимо и только метров через сто сообразил. Ты как в Москве оказался? Давно из госпиталя? Да что это мы, давай, сюда заворачивай, посидим.

Напротив центрального телеграфа палатка со столиками. Взяли пива, сели, закурили.

– Все. Рассказывай. А рожу тебе все-таки попортили, могли бы и пластику сделать, уроды. Ладно, с морды водку не пить, или как там. Ты чего, Сашок, так все и молчишь? Не отошел еще? Да нет, вроде зенки-то живые, соображающие. Ну, ничего, и это мы как-нибудь наладим. Черт, как же мне из тебя вытянуть информацию? Писать-то хоть не разучился?

Засуетился, какие-то бумажки из кармана достал, авторучку:

– На вот, пиши... – но на часы глянул и задергался, – черт, времени мало. Сашок, сделаем так. Вот мой адрес, телефон. Хотя на кой он тебе. Адрес вот, пишу подробно, как найти. Сегодня к девяти вечера подваливай обязательно, ждать буду. Ты сиди, допивай пиво, а я... понимаю, стрелка у меня на Тишинском рынке. А то давай со мной. Сейчас тачку поймает, вмиг. Ну, нет – так нет. До вечера.

Чтоб был! Врубился? Я еще Славке с Витькой позвоню. Все, побежал... – сорвался с места, тормознул машину и укатил.

«Вот уж кого не ожидал встретить. И вправду – “большая деревня”».

В палатке сквозняк гуляет, не усидишь долго, озноб начинает бить. Зима скоро, надо об одежде подумать. А тут, в самый раз, за соседним столиком разговор о тряпках, мол, «в Луже дешевле можно затариться», и собираются. За ними пристроился и только в метро сообразил, что это Лужники имелись в виду. Ехал и представлял, что прямо на футбольном поле рынок сделали, и даже немного обрадовался, что ошибся.

Долго ходил среди палаток, лотков, рядов и просто открытых грузовых машин, выбирал, приценивался, пока окончательно не продрог. На двести гривов оделся, обулся, сумку купил. Не успел переодеться, да и как тут переоденешься в этом муравейнике, за спиной патруль вынырнул – два солдата узкоглазых в шинельках коробом и капитан усатый с усталыми глазами.

– Товарищ сержант, документы предъявите.

И что-то ему не понравилось. То ли фото в военном билете, еще щенячье-школьное, то ли еще что. Только носом покрутил, и лоб складками собрал. Дембель – он и есть дембель – какой с него спрос, свой долг Родине отплатил. Уже хотел было вернуть документ, но почему-то вдруг в карман свой положил.

– Товарищ сержант, пройдемте с нами. В военкомат ближайший, не в комендатуру. Проверим подробнее, и все. Иди вперед на выход.

На армейском «козлике» за три минуты «допрыгали» до военкомата. Уже ближе к концу рабочего дня.

– Ждите здесь, – сказал капитан и ушел куда-то вовнутрь.

Солдатики потолкались на крыльце и полезли в машину – все же теплее. Стемнело. Ветер утих, и снег пошел медленными хлопьями, покрывая все горизонтальные поверхности города, призрачно поблескивая в голубоватом свете фонарей.

Минут через пятнадцать капитан озабоченный вышел, постоял на крыльце, предложил закурить.

– Все нормально, сержант. Извини за задержку. Все у тебя не так просто. Покури и зайди в шестой кабинет. Майор тебя ждет, поговорить хочет, а мне пора, служба, понимаешь. Живи, солдат. Удачи тебе, – и пошел к машине не оглядываясь.

В кабинет вошел не постучав. Майор пожилой, лысоватый, от бумаг оторвался, кивнул в сторону стула.

Присел и в окно на снег уставился. А на переплете окна уже небольшой сугробик вырос.

Закончив писать, майор снял очки, потер пальцами переносицу и тоже посмотрел на снег. В кабинете темновато, только настольная лампа пол-лица освещает да кучу документов на столе. И после печальной и тягучей паузы и говорить-то громко не хочется.

– Значит, вот такие дела, Романов Александр Николаевич. Покопался я в твоих документах, позвонил. В розыске ты у нас был. Вот, отыскался – думали, что уж совсем пропад герой. Ты хоть знаешь, что тебя к Герою России представили? А чечены за твою башку десять штук дают. За Пианиста. Ты под Иркутском в госпитале на реабилитации должен быть, а ты вона где. Между прочим, сопровождающего твоего, прапорщика Гусева, из армии попросили. За невыполнение приказа. Вот так. – И опять повисла пауза. Закурил и дымом поперхнулся, раскашлялся. – В санаторий тебя надо отправить, документы дня через два, думаю, получим из Иркутска, а там... Опять же, орден скоро получать. Где сейчас обитаешь? Надеюсь, не на улице? Жаль, что нет у меня сегодня никакой возможности тебя нормально пристроить на несколько дней. Зайди непременно завтра после обеда, что-нибудь придумаем, гостиницу какую или еще что. Деньги-то хоть есть?... Ладно, сынок, приходи завтра. Спросишь майора Трошина. Наладится все.

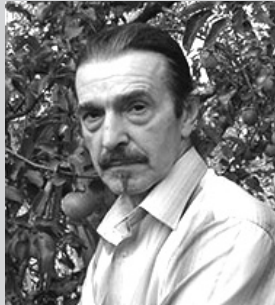
Берет – снова на затылок медленно, сумку с одеждой – через плечо и к двери пошел, а вдогонку:

– Не заблудишься? Непременно приходи завтра. Жду.

А когда дверь уже закрылась за солдатом, майор про себя повторил:

«Вот такие дела, брат, вот такие».

Снег перестал идти так же внезапно, как и начался. И потеплело. Под ногами сразу грязное месиво. И только на ветках деревьев, на цоколях и подоконниках домов все так же белело и искрилось непорочно. День прошел,

Иван Мазилин

Писатель, режиссер. Писать начал в первом классе ручкой со стальным пером, которую приходилось постоянно макать в чернильницу-непроливайку. Мазилки, кляксы в тетрадке и те «двойки» по чистописанию оказались несмысленными... В жизни перепробовал много разных профессий, но так и остался в ней только наблюдателем, только прохожим по тому отрезку времени, что отпущено мне.

Пишу, потому что хочу верить, что не просто же вариантом отличается моя жизнь от других миллионов жизней, а неповторимостью. Тем, что именно я – один – жил и еще пока живу на этой земле, и только это и имеет общее значение.

Печатаюсь в литературных журналах и сборниках, победитель ряда сетевых конкурсов, член Судейской коллегии Международного союза писателей «Новый Современник», автор-участник Московского Салона Литераторов.

и ночь впереди долгая. Только бы не было больше кошмаров, не было режущей пополам боли. Прислушался. Но внутри спокойно, холодно и чисто. И никаких мыслей, будто подмели веничком.

У дома, приютившего его, к которому он неизвестно в который раз вернулся, посмотрел на окно, теплым желтоватым светом зовущее. Увидел в окне фигуру, глядящую в темноту ночи, ждущую. Но ничего и теперь в себе не нашел ответного, только рукой смахнул с заборчика комочек снега и провел по лицу ладонью мокрой.

Аня, Анечка, Анюта. Что же у тебя в жизни все не так, как представлялось? Все так хорошо начиналось. И школу с отличным закончила, и чуть-чуть не хватило, чтобы в институт поступить. И квартира, и родители и... ну, словом, все было хорошо. Пошла работать в журнал «Театр». Коллектив славный, работа нравилась. А тут еще любовь, можно сказать, с первого взгляда. На дискотеке в МДМ познакомились. Ну и что, что чуть ниже ростом – шпильки перестала носить, только и всего. По театрам, по музеям и выставкам ходили, стихи даже читал. Подумаешь, лимитчик, зато работающий, денежный. И родители были не против.

Только потом как-то все другим боком стало разворачиваться. Журнал захирел, отец, никогда не болевший, в три месяца сгорел. Мать, года не прошло, встретила старого друга и уехала с ним в Грузию, теперь словно за границу. Виктор запил, да так, что и квартиру пришлось продать, и вот эта комнатуха теперь. И по месяцам не показывается – подохнет где-нибудь под забором или прибудет, даже забывать стала. Без работы, без денег почти полгода просидела. Спасибо соседке со второго этажа, взяла напарницей – проводником. Вначале устала очень от непривычной работы, но теперь... нет, все равно устает. Почти две недели на колесах, три дня дома, чтобы отоспаться как следует, и опять...

Теперь вот пригрела этого, бессловесного, «замороженного» на этой непонятной войне. И два месяца уже, как прямо из поезда привела к себе на одну только ночь, а вот как все вышло. Сердце разрывается от жалости, когда кричит по ночам, зубами скрежещет, глазами от боли побелевшими, невидящими глядит. И иногда – грубо, по-звериному, он с ней, с синяками на теле после. Только потом забывается в глухом сне, почти без дыхания. А целыми днями бродит где-то.

Вот и теперь, ночь, на часах уж одиннадцать. И погода скверная, холодно. Куда его опять понесло в одном своем камуфляже?

Вошел, с сумкой через плечо. Изменился. Даже не поняла сначала, в чем изменился. Только вдруг увидела глаза живые, понимающие, и как магнитом потянулась к нему, прижалась к холодной одежде, обняла и заплакала тихо, по-детски всхлипывая. Не снимая с плеча сумку, неловко одной рукой обнял.

После ужина, уже ночью поздней и до самого рассвета... столько нестерпимой, до времени скованной болью нежности оказалось в этом сильном и красивом теле.

А снег все шел и шел, засыпая искристым пыльным ковром всю осеннюю слякотную грязь и все, что называлось одним словом – вчера.

КОНКУРС ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА РЕЗНИЧЕНКО

«СТРАНА КАВАЛЕРДАМИЯ. ГЕНДЕРКОН - 2012»

Поэтический конкурс «Гендеркон-2012» был посвящён памяти ушедшего от нас замечательного поэта, переводчика и публициста Владимира Ефимовича Резниченко (1945-2010). Это третий по счету конкурс памяти В.Е. Резниченко, организованный его друзьями и коллегами на литературном сайте «Самиздат» при библиотеке М. Мошкова.

На этот раз организаторы решили устроить турнир между поэтами и поэтессами, которые соревновались в отдельных номинациях. Отсюда и название - «Гендеркон».

Темы конкурсных работ были заданы строчками из иронических стихотворений Вл. Резниченко:

*«Известно много способов у нас, как отобрать из золушек принцессу» - для поэтов;
«В путь - избавлять народ от злобных чар - пустился витязь, молодой и пылкий» - для поэтесс.*

Турнир проходил в три стадии, и в результате из более чем ста работ, представленных на конкурс, судьи отобрали пять лучших стихотворений поэтов и пять - поэтесс. Эта десятка и составила финал конкурса.

Параллельно с основным турниром проводился отбор стихотворений, представленных судьями конкурса и оцениваемых участниками и болельщиками. В результате к десятке финалистов присоединились пять победителей судейской номинации.

Ирина Грановская

Этилиада

Венок “Этилиада” приводится вместе с источником и неотъемлемой его частью — сонетом В.Резниченко “Витязь на распутье”

1. В путь — избавлять народ от злобных чар — немало добрых витязей катило. В дорогу взяв батон, бурдюк с текилой, плакат “Спасай Россию — бей хазар!”, разбегались от тундры до Канар, врагов кромсая, что твой гунн Атилла... Но вот от лап коварного Этила их не сберег ни Бог, ни санитар. Наш Ванька Тертый — тертый был калач, но до того задирист и горяч, что с поварами скрещивал он вилки. И вот, сложив текилу, хлеб, плакат, на Сивке, в бурке, прямо на закат пустился витязь, молодой и пылкий.

2. Пустился витязь, молодой и пылкий, в далекую приморскую страну, где Трезвость в Этианоловом плену столетиями на дне гнила в бутылке. “Враги — фигия, — ворчалось в затылке, — но как сгитар в кольчуге в глубину... хоть всяко мне прогулка на войну куда приятней оймьяконской ссылки”. И в путь косить врагов что было сил он двинул, и уже не тормозил как истребитель, выравнивая закрылки. Хоть Ваньке град, хоть сели, хоть скандал — заминок он в пути не ожидал, но увидал на первой же развилке.

3. Но увидал на первой же развилке Иван предивный кемпинг. Длинный стол, и кто-то костерок уже развел, сервировал батоны и бутылки, Да за кустами наикадал подстилки, подмёл, привел шала... Э... слабый пол, чтоб всяк имел в виду, что можно, мол, поддав, в кустах потешить чресла пылки. Но коль встречаются на Руси по платьям, то в отдаленье, чиста по понятиям, для VIPов, сиречь VIPовых—бояр, избенки (тюнинг, петухи на спицах), и, чтоб сердешным им не заблудиться, три стрелки: “Ресторан”, “Пивная”, “Бар”.

4. Три стрелки: “Ресторан”, “Пивная”, “Бар” неоново подмигивали людям. Сто раз звучало: “Ну, братишки, будем!” По булькам разливался “Солнцедар”, и кто-то, из ушей пуская пар, гонял грибки сопливые на блюде иль лобызал мозолистые груди давно уснувших Мань, Зульфий и Сар. Оттертый плесбом в угол филигранно,— “Вот беспредел, — подумал Тертый Ваня. — Взглянуть бы, что и как там у бояр, А то тут все давно уж в пополаме, пьют за стирание граней меж полами — ну и страна у нас, какой кошмар!”

5. “Ну и страна у нас, какой кошмар! всех порубать что лш, пьяные покуда, потом пойти, собрать и сдать посуду, построить избу, вырастить анчар, заделать сына (вон там сколько шмар, на вкус и цвет, отсюда и отсюда)... Да скука без мочилова и блуда мне видится страшной бутырских нар: фунт лиха Ваньке, как иным — весь пуд. Вот ежли вдруг за Трезвость бабы врут — ходи-ищи, ее, как прынц в бродилке. Мне порожняк совсем не по нутру, с утра я с кем-нить это перетру”, — подумал богатырь, чеша в затылке.

6. Подумал богатырь, чеша в затылке, что за дорогу обовишел уж, но, мож, на VIP—дворе найдется душ да от гостей мочалки и обмылки. Поднялся добрый молодец с подстилки, скользнул в свою одежу, словно уж, перешагнул десяток сонных душ, чей дружный храп сродни зубодробилке. Решил: чего ж, пойду по классу VIP, пока тут с плесбом я в статью не влип, набравшись самогону да горилки,

А то ужo на феню повело... Куда ни глянь, везде одно бухло, Куда ни сунься, рюмки да бутылки.

7. Куда ни сунься, рюмки да бутылки, осколки да вонючие бычки, да в стороне под елкою торчки уже мешают анашу, опилки и клей “Момент”. Наш рыцарь от развилки пошел туда, куда глядят зрачки — где светятся неоновы пучки, где, охраняя знатные затылки от гнева перебравшего народа, спит вышибала, сиречь воевода. И входит наш Иван в боярский бар, а там всё та же гнусная картина: стекло, бычки и рваная резина, блевотина и винный перегар.

8. Блевотина и винный перегар, помятые и пасмурные лица. А где-то вдалеке, на дне томится, страдает Трезвость от злодейских чар! Побью авар, османов—янычар, хазар, татар... ну, с кем там надо биться; я обойду столицы и станицы, посею разоренье и кошмар! Не пожалев своих телесных сил, найду страну, где царствует Этил, и мир я ввергну в трезвость, как мессия... Но глас похмельный грянул в вышине: — Не сможешь ты помочь, Ивашка, мне. Смирись, несчастный! — Никогда, Россия!

9. Смирись, несчастный! Никогда Россия не повернет с привычного пути, и, сколько ей ученьем ни свети, хомут искать придется там, где выя. Оставь поползновения пустые! Другой земли не сможешь ты найти, где шестеро примерно из пяти не отличат Барклая от Батыя. Умы народа зряшно бередить вопросом праздным “Пить или не пить”? способен только чокнутый вития. Но ни храбрец первейший, ни мудрец, ни Ванька Тёртый, русский молодец, зеленого не одолеет змия!

10. “Зеленого не одолеет змия лишь размазня без тени куражу, но я-то Трезвость, факт, освобожу, не будь я Ваня Тёртый, а, Россия?” Но вкривь и вкось пройдя края морские, он царства Этианола на пляжу не встретил: “Эти бабы, я гляжу, всё брешут про пространства мирские, и трезвость, знамо, выдумали, чтобы долбить мужьям по тычкам меднолобым...” Тут вслед, как по коленям кипятком, печальный облик брошенного дома ожёг воспоминаньем. И знакомый раздался в небе голос, будто гром.

11. Раздался в небе голос, будто гром: “Довольно, Вань, в европах погостилось! Завязывай жевать хранцузский силос, давай—ка ноги в руки и кругом. И где ж она, та Трезвость с ейным дном? Чё говоришь? В бутылке притаилась? Так ты куды ж попер, скажи на милость, когда у нас бутылкок навалом? Не знал, что там, где водка — чистый нал, закономерный следует финал, как с похмела блевотные поэзывы? Вот Этианол на трон российский сел, и платит Русь налог из душ и тел, с тех пор, не видя злу альтернативы”.

12. С тех пор, не видя злу альтернативы, Иван смирился. Но в один момент, когда он, тертый, как на бирже цент, спал в лодке под бурлацкие мотивы, к нему явилась Трезвость с ликом дивы Лагуны в фильме “Пятый элемент” и, глядя, как комар на репеллент, заголосила тонко и плаксиво: “Меня спасти способен лишь одно: во всей посуде обнажи—ка дно (нет чистоты, когда забыты сливы); не тот герой, кто, чтоб меня найти, вальяет ваньку попусту в пути, — Герой сидит и пьет аперитивы!”

НА ВЕС ЗОЛОТА

Известно много способов у нас, как отобрать из золушек принцессу - по форме ног, прическе, цвету глаз... Но лучший способ - отбирать по весу.

Обычно побеждают в жизни те, кто, к худосочной не стремясь химере, богатством, скрытым в женской полноте, умеет насладиться в полной мере.

Непревзойденный кадр я подберу себе в супруги - если помнить буду, что слово РАЗДОБРЕТЬ сродни ДОБРУ, а слово ИСХУДАТЬ созвучно ХУДУ.

13. Герой сидит и пьет аперитивы, и, надлежаше выделив слону, он храбро устремляется ко дну, плюя на даты, выдержки, разливы. А год спустя черты синюшной дивы в своих подружках видит чрез одну и так же верит давешнему сну, как честная жена в контрацептивы. Иван на том, на первом перекрестке из горла поило хлещет по—матросски, затем трясет бутылку кверху дном, другую тянет, проявляя резвость... И верит, что уж в ней найдет он Трезвость, застряв на перекрестке роковом.

14. Застряв на перекрестке роковом, нашел Иван заветную нирвану: стал отличаться склонностью к баяну* и прозван был Баяном поделом. Себя уже не мнил он грозным львом, а, вспоминая пройденные страны, сдвигал опустошенные стаканы, их повернув заботливо вверх дном. И, постучав лорнетом по кальяну, погладив гусли, как студент путану, пред кругом тесным нищих и бояр потертый жизнью, но еще не старый, Баян негромко баял мемуары: “В путь — избавлять народ от злобных чар...”

** Баян — шприц.*

Владимир Резниченко

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

В путь — избавлять народ от злобных чар — пустился витязь, молодой и пылкий. Но увидал на первой же развилке три стрелки — “ресторан”, “пивная”, “бар”. — Ну и страна у нас, какой кошмар! — подумал богатырь, чеша в затылке. — Куда ни сунься, рюмки да бутылки, блевотина и винный перегар. — Смирись, несчастный! Никогда Россия зеленого не одолеет змия! — раздался в небе голос, будто гром. С тех пор, не видя злу альтернативы, герой сидит и пьет аперитивы, застряв на перекрестке роковом.

Сергей Сатин

Мисс Из...

С точки зрения жителей Тау Кита и особенно Кси Кашалота, облик наш — смехота, облик наш — страхота и вообще ни в какие ворота.

И в глазах обитательниц Беты Тельца, где у их мужиков по четыре конца (и все разных размеров к тому же), мы бы тоже смотрелись не дуже.

Симпатичное место Арктур. Но и там местных дам обаять не дано нам. Анастомия, кстати, и вид оных дам — ЭТО НЕЧТО, по нашим канонам.

Не выходит мысля головы моей из: мисс Вселенные наши — чего они мисс? Легитимны ли титул и звание? Вот пришлю нам оттуда другое жюри — и излечит оно нас на счет раз-два-три от величия пагубной мании.

Дэн Шорин

Письмо принцессе

Вы — так невозможны, прекрасны, по-детски чисты, Я — циник и скептик, бродяга, стремящийся в дамки. Какое-то время я даже жил в собственном замке, Мой замок стоял на песке возле самой воды, Но море и время надежно стирают следы.

О вашей улыбке в трактирах поэты поют, Я слышал о ней в Будапеште, Мадриде и Ницце,

С худышками вступать опасно в брак, в них слишком много едкости и злости - недаром же, в отличие от собак, мужчины не бросаются на кости!

Зато всегда доволен человек, чья спутница, как говорится, в теле: чем толще женщина, тем больше нег мы получаем от нее в постели.

...Я б на руках любимую носил, но тяжек груз - боюсь, не уронить бы! Придется, видно, чтоб набраться сил, позаниматься штангой до женитьбы...

Владимир Резниченко

Будь я помоложе, быть может, сумел бы влюбиться, Но ныне не смею любовь возвести в абсолют: На старости лет красоту заменяет уют.

Я слышал, принцесса, вы скоро взойдёте на трон, Что вы одиноки, но искренне верите в сказки, Я вас умоляю, давайте уйдём от огласки, Что я по сюжету мог быть в вас безумно влюблён. С безмерным почтеньем и болью, ваш верный дракон.

Павел Ганжа

Избирательный процесс

Как отобрать из золушек принцесс? Узнал случайно — способов немало... И, пусть работа время отнимала, Включился в избирательный процесс.

Сыскал одну. При ней и рост, и статью. Очаровала и околдовала, Но только от зеркального овала Милашка взгляд не в силах оторвать.

Столь холодна, что я промерз до дна Своей души. Не грела, не ласкала — Пугала маской доброго оскала... Ушел к другой — пускай сидит одна.

Вторая оказалась потеплей, Да что там — безусловно зажигала, Всем варварам на зависть, даже — галлам, И напивалась часто до соплей.

Любой скандал — в предсердии кинжал... Порхание от бала и до бала Однажды откровенно задолбало, И я от этой золушки сбежал.

Прибился к третьей, тихой и простой. Она трудилась, шила, подметала. И сделана как будто из металла... Но чудилось, что жизнь моя — застой.

Тут тоже отчего-то не срослось. Хотя она мне вечно потакала, Но не хватало... может быть, накала. Утёк опять. Найду еще авось.

Не яблоко любовь и не хурма... Судьба меня нехило побросала, Прибавилось чуть-чуть на пузе сала, А в голове — немножечко ума.

Теперь плевать на сказочных принцесс. Что б золушка на бал ни надевала — Исчезнет в полночь призрак идеала... И ныне интересен сам процесс.

Александр Каневский

Сонет

Да, ты принцесса, хоть не во дворце. Без родословной с правом первородства, Но каждая черта в твоём лице Об истинном вещает благородстве.

Науки нет такой “Принцессоводство”. Но сразу вспоминаю о Творце И о его творения венце, Лишь гляну на тебя, — такое сходство.

Нас не прельщает славой целый мир, Вниманье прессы и бренчанье лир, Принцессой можно быть в простой квартире. Наш скромный ужин — не роскошный пир. И если не видал тебя Шекспир, Мы только пожелаем о Шекспире.

Сергей Ушаков Принципиальное

Что ни день — проблемы с принцем,
хоть показывай врачу.
Идиот идёт на принцип,
говорит: “Хочу жениться,
в жёны золушку хочу!”
Пребывает в жутком стрессе.
А вчера тайком в селе
объявления развесил:
“Конкурс—кастинг, но без песен
и стриптиза на столе.
Мисс Весенние Надои.
Прима Кройки и Шитья...”
Жжёт! Как будто с перепоя —
так не пьёт... да что ж такое?
Нам, принцессам, нет житья!
Рассудите, ну неслабо
ляпнул сдуру, наобум:
“Лучше жить с обычной бабой,
чем с резиновой жабой.
Я принцесс видал в гробу!”
Может, съел несвежий Раптор
или опухоль в мозгу?
Снял корону, сел на трактор.
Боже мой, зачем же так-то?
Ржу и плачу... не могу.

Жаклин де Гё Мазай

То ли цунами случилось, то ли растаял снег,
А может, разверзлись хляби —
всё кругом затопило.
Вывел дед на разливы свой
плоскодонный ковчег,
Вёслами загребая с нестариковской силой...

Зайцы дрожат на кочках, ушами сигналият: SOS!
Ной—Мазай—Утнапиштим,
животных возьмите в лодку!
Он им: — Расслабьтесь,
косые, я вам не Дед Мороз...
В лодку берут лишь тех,
кто дедушке даст на водку.

Берёза в воде по пояс, на ветке трясётся лис,
Мимо плывут на льдине барсук
в обнимку с енотом...
Дед пожимает плечами: —Я не чёртов Гринпис,
Не Тимурка с командой и не Шойгу с вертолётom.

Просто вышел из дому, просто поплыл в сельмаг,
Мне и дела-то нету до благородных миссий,
Пофиг, если потонут крот, олень и хомяк,
Лоси, медведи, волки и зауральские рыси.

Что же вы так орёте?!
Я вам, вашу мать, не отец!
Тут не фрегат с парусами,
вечный летучий странник.
Влезет орава зайцев
придёт промокший песец, —
Лодку назвать придётся
гордым словом “Титаник”!

* * *
Дед поворчал, подумал, сделал из брёвен плот,
Спас и хвосты и шкурки
и год пропивал пушнину...
С тех пор, выхода из дома,
он помнил, что подвиг — ждёт.
И к новому половодью багры припас и дубину.

О метаморфозах

Вновь маску снять и стать самим собой,
В который раз судьбу начать сначала —
Взять шпагу, плащ и вызвать мир на бой
За даму, короля и идеалы.

Сразить подонка, выиграть дуэль,
Интриги разрубая в честной битве,
И, преклонив колена в Сен—Шанель,
Друзей ушедших помянуть в молитве.

Нестись по полю брани на врагов
Под грохот полкового барабана
И славу обрести в конце концов,
Погибнув при осаде Орлеана...

...А после встать и выйти на поклон,
И, переждав безумие оваций,
В гримёрной пред зеркальным двойником
С собою настоящим попрощаться....

Мальбрук

Marlbrough s'en va—t—en guerre,
Mironton, mironton, mirontaine...
Старинная солдатская песня
Шкатулка на комодe, старинный сувенир,
Мелодию заводит исправно репетир...
Солдатики в доспехах кружат под перезвон:
“Мальбрук в поход поехал...
Мирантэн,
мирантэн,
миронтон”.

Устал от пыльной скуки провинциальный мир,
И новые Мальбруки спешат надеть мундир,
Юнцы, сбиваясь в стаи под хлопанье знамён,

Задорно напевают:
“Мирантэн,
мирантэн,
миронтон!”
Где мальчик? Он в походе, и писем долго нет.
На стареньком комодe стоит его портрет.
В домах трясутся стены от топота колонн,
Грохочет марш военный:
“Мирантэн!
Мирантэн!
Миронтон!”
У Триумфальной арки построились полки,
Обвиты лентой яркой словые венки.
На катафалках — лавры, печалится тромбон,
И мерно бьют литавры:
“Мирантэн...
Мирантэн...
Миронтон...”

Три залпа ухнут гулко:
“Прощайте, лорд Мальбрук!” —
И выскользнет шкатулка из ослабевших рук,
И звоном захлебнётся заезженный рефрен:
“Бог весть... когда... вернётся...
“Мирантэн...
Мирантэн...
Миронтон...”

Ирина Грановская

Очень романтическая история со счастливым концом

Под утро, только робкая Венера
Украсила собою небосвод,
На подвиг в честь прелестницы, в поход
Отправился отважный кабальеро.

Вели его вперед любовь и вера
В свою звезду. А на двадцатый год,
Увенчанного славой, у ворот
Встречала дона тощая мегера —

Ребристый стан под скобками ключиц;
Вокруг ряды сочувствующих лиц,
Притихли зверь в лесах и в небе птица...

Наш рыцарь сдвинул шлем на хмурый лоб,
Тяжелой крагой лысину поскреб,
И выдохнул: “Жениться так жениться”.

Приз читательских симпатий

Владимир Бубнов

Чего ты хотела?

Чего ты хотела? Признаний, цветов?
Чтоб нежность была и забытые ласки?
Опять размечталась, забудь эти сказки.
Ведь в жизни, как видишь, не так и не то:
С другою принцессой умчалась карета,
И он не Ромео, и ты не Джульетта.

Уходят остатки былой красоты
И годы бегут неуклонно и споро...
Тут как ни крути, а тебе скоро сорок.
И были мужчины, и были цветы...
Одних прогнала, а другие сбежали.
И, в общем, не жаль их,
нисколько не жаль их.

А с этим ни счастья, ни радости нет:
Любовь как система взаимных подачек,
Свидания — случки у друга на даче.
Торопится он к нелюбимой жене,
Вернётся отцом и заботливым мужем.
Тебе он не нужен, нисколько не нужен.

Тебя наполняют брезгливость и грусть.
По—бабы повоешь над горькой судьбиной,
Сознание затянется липкою тиной.
Гнетёт нерастраченной нежности груз
И мысли, что душат и душу калечат,
Никак не отпустят до будущей встречи.

Сергей Ушаков

О золушках, принцах и дружбе народов

Золушки мечтают быть принцессами.
На харчах домашних разговев,
улетают чартерными рейсами
куколки, личинки королев.

В саунах замёрзли, отогреться бы.
Путь на трон извилист и коряв.
Из варяг, из грязи — прямо в Грецию...
дома, дескать, с принцами напряг.

Как—то всё выходит не по графику.
Красота и молодость — товар,
портящийся быстро. Может, в Африку,
на далёкий остров Занзибар?

Или в неглиже плясать с пигмеями
после долгожданного дождя,
покорять красою и пельменями
очень симпатичного вождя?

Где она, земля обетованная —
пастище зажиточных самцов,
замки с будуарами и ваннами?
Чтоб не в шалаше, но под венцом.

А Иван—Царевичи и прочие,
в общем неплохие мужики,
побросав дела и полномочия,
станут звать лягушек у реки...

Судейские работы

Александр Габриэль

Sentimental

Мы — в людском и птичьем гаме,
словно в море — острова.
Всё — как в глупой мелодраме,
лишь трудней найти слова.
Нет банальнее сюжета,
хоть с каких смотри сторон:
убывающее лето
ускользающий перрон.

Наше время, наша Мекка,
наш закат и наш рассвет...
До конца больного века,
целых двадцать долгих лет.
Между нами столько света
в предзакатный чуткий час!
И Ромео, и Джульетта
ненамного младше нас.

Рвется люд к пустой плацкарте.
Знать, планида такова;
и застыл на низком старте
скорый поезд “Минск — Москва”,
и звучат пустые речи:
мол, пиши, мол, будь здоров...
Я тебя уже не встречаю
в этом лучшем из миров.

Кто—то в отпуск, в Ялту—Сочи,
кто — к отеческим гробам...
Из динамиков грохочет
нечто бодрое про БАМ.
В горле — ком. Заплакать, что ли,
компромисс найдя с тоской?
Я не знал доселе боли,
а тем более — такой.

Что ж, прощай, моя царевна,
счастья первого исток.
Поезд обло и стозебно
мчится к чёрту, на восток.
Остается лишь устало
поискать ответ в себе:
“А” упало.
“Б” пропало.
Что осталось на трубе?!

Был месяц январь

Из тысяч бесед осталась для них одна лишь,
один разговор, в котором ни грамма фальши;
и он ей сказал:

“Ведь ты и сама всё знаешь”,
и он ей сказал:

“Ведь так невозможно дальше”,
и он ей сказал: “Третьихских не надо судей.
Не надо искать в случившемся злого рока:
ведь мы же с тобою знали, что так и будет,
а если чего не знали, так только срока”.
Его аргументы лишь подтверждали факты.
Он был безоглядно честен,

как римский воин:
держа эту речь, ни разу не сбился с такта
и был его пульс, на радость врачам, спокоен.
Он ей говорил, как горестно после бала
в пустынной душе

и как бесприютно в мире...
Она же молчала. Лишь головой кивала,
почти как фигурка Будды в его квартире.
Легко доказав, что им не бывать как паре,
он четко провел анализ. Он сделал сноски.
Во всех мелочах был точен его сценарий.
Изящно сошлись в картину его наброски.
Был месяц январь.

Невзрачное солнце село —
как будто холодным комом упало
с крыши...

Она лишь молчала. Тупо и омертвело,
уже ничего,
давно ничего не слыша.

Светлана Ширанкова

Принцесса vs Дракон

— Отпусти ты меня, чудовище, дай уйти!
Всё равно сбегу, не вставай на моём пути.
Проползу по скалам, вниз утеку водой,
Ароматом яблочным, вереском, резедой,
Хоть ужом, хоть скользкой жабой,
в конце концов...

Почему же ты отворачиваешь лицо?
Надоело быть подлецом?

— Подбери-ка сопли, девочка, где платок?
В одиночку здесь не сможет пройти никто —
Сквозь завалы, щели, оползни, ледники...
Лучше ты себя для рыцаря сбереги.
Ритуал давно отлажен, не нам менять:
Пусть сперва герой в бою победит меня
И спасёт свою прекрасную госпожу.
Вот тогда ступай, красавица, не держу.

Я закрою дверь, поверх наложу печать.
Ей — кричать и плакать,
мне — пить остывший чай,
Заливать чужую тайну, гасить пожар.
Приезжал твой рыцарь, милая, приезжал,
У ворот стоял, шатался, дрожмя дрожал,
Киноварью сплёвывал,
смахивал липкий пот,

А за ним старуха в чёрном кривила рот,
Хоть и знала, что вот-вот его заберёт.
В королевстве вашем язва, чума и мор,
Не набат по мёртвым воет — вороний хор,
Пепелища — пир для крыс и собачьих стай,
Как гнилой орех, столица внутри пуста.
И пока твой рыцарь, девочка, мог дышать,
Я поклялся привязать тебя, удержатъ,
Запереть на сто замков, потерять ключи,
Если надо — одурманить и приручить.
Дразнит ноздри терпкий яблочный аромат.
Нынче ночью будет сказочный звездопад,
Мы пойдём вдвоём на башню

под россыпь искр,
Ты забудешь всё, что раньше тянуло вниз,
И отдашь тоску и боль золотой звезде.

Слишком тихо...
Где ты, девочка? Где ты? Где?!!

Алексей Котельников

По облакам

Июль. Я мчусь на стареньком “Орлёнке”.
На небе — вечно—желтый светофор.
Слетает цепь!
Как тормозить?!
В Буренку...
(Был вариант с названием “забор”.)
Подвел меня железный конь — зараза!
Ну что же делать? Колесо — овал.
А я за все каникулы ни разу
в соседнюю деревню не сгонял.
Велосипед — в сарай, а сам — к
ребятам,
с надеждой радость вытащить у дня...
не зная, что и ты живёшь в двадцатом
на расстоянье летнего дождя,
что нас с тобой одни щекочут ветры,
что смотрим на один небесный след,
и... то, что два десятка километров
по сути — это три десятка лет.

Январь, и в нашем доме время дремлет.
Ты, улыбаясь, смотришь на меня.
Ну почему в соседнюю деревню
я в долгом детстве так и не сгонял?
Мы потеряли... Нет! Я сяду в “скорый”,
И он помчит... помчит по облакам.
Я возвращусь на тридцать...

нет — на сорок...
Да, только так! И чтоб наверняка!
Туда, где спит немая колокольня,
где вдоль дороги шепчется осот,
я возвращусь — нестриженный дошкольник,
а ты... родишься только через год.

Подвину двадцать первый дальше... дальше
И подожду тебя тринадцать лет.
Мы встретимся... всего на жизнь пораньше.
Эх, только б не подвел велосипед.

Светлана Ос

Му—Му

Вроде легче гребётся и веселей
Под шуршание камыша!..
А у барыни руки — твоих белей
И чернее твоей — душа.

А у барыни — кружево по краям
Платья модного из джерси,
Мастерская багетная на паях
И расстроенный клавесин.

За потупленным взором — остра игла,
А за словом — стальной крючок. —
Не заметил и сам, как тебя взяла
Под серебряный каблучок.

Ты несчастлив, немолод и нехорош,
Ты живёшь невпопад, не всласть.
И прикажет она умереть — умрёшь,
Украдёшь — повелит украсть.

Хоть тебе это всё, как засову — ржа
И как ободу — колея...
Если жертвы и правда не избежать,
Что же... пусть ею буду я.

А по качеству идола и обряд,
Плюнь с досады через корму.
Если сердце сбоят столько лет подряд,
Надо действовать по уму.

Я — твой шанс отличиться, последний шанс.
Камень к шее вяжи смелей!
Видно, жизнь иногда убивает нас,
Чтоб не сделать ещё сильнее...

Вот и всё... Отдышись, отведи глаза,
На течение посетуй зло,
Развернись тяжело и плыви назад,
Пошевеливая веслом.

И не думай о том, что с рассветом — в путь
По долинам и пустырям,
Что тебе с этих пор не дано уснуть
Даже в стенах монастыря.

Что однажды откроется кровосток
На нательном твоём кресте
За тремя поворотами на восток,
На одиннадцатой версте.

Принцессы и пиратская карта

Однажды Маша пришла к дедушке и потребовала:

– Мне нужна пиратская карта!

– Но почему ты спрашиваешь её у меня? – удивился дедушка.

– Потому, что ты старый пират, – ответила Маша, – вот почему!

Маша, как и её дедушка, очень любит море. А когда человек любит море, то от одних только морских слов туманится взгляд, начинает дуть солёный морской ветер, ковёр на полу вздымается волнами, а над головой начинают гудеть тугие паруса, и за окнами, вместо вороньего карканя, слышатся крики чаек.

Морскими словами «старый пират» Маша часто называла своего дедушку. На самом деле дедушка никогда не был пиратом. Всем известно, что пираты грабят корабли и берут в плен прекрасных девушек, а дедушка Маши никогда, даже в молодости, разбоем не занимался. Правда, он признался, что очень давно похитил девушку, но всего один раз в жизни, и никогда об этом не жалел.

Зато он был когда-то морским офицером, жил в замечательном городе Санкт-Петербурге, куда приходят и стоят у набережной на реке Неве парусные корабли, уставшие от долгого плавания по морям и океанам. И конечно, у кого же ещё, как не у него, Маше спрашивать про пиратскую карту?

– Зачем тебе пиратская карта, Машенька? – поинтересовался дедушка.

– Я теперь не Машенька, а принцесса Маруся. А пиратская карта нужна мне для того, чтобы найти спрятанные в тайных местах сокровища.

Дедушка отодвинулся на своём кресле от компьютера и посмотрел не на Машу, а куда-то в даль за окном.

– Хорошо, Маша... ой, прости, принцесса Маруся, будет тебе пиратская карта. Правда, сокровищ у меня нет, но сюрприз я тебе обещаю! И придётся подождать, потому что мне ещё нужно съездить по делам, а раньше обеда я просто не вернусь.

Время до обеда пролетело быстро. У принцессы Маруси оказалось много дел. Надо было проложить дорожки к построенному ещё вчера замку и посадить деревья, на трёх этажах кокуольного домика разместить гостей, всех накормить. Потом принцесса вылечила от простуды ослика Иа и сходилла с бабушкой на прогулку, где встретилась и поговорила с собачкой Лапкой.

За обедом Маруся съела до конца своё любимое блюдо – мясо с картофельным пюре, а папа, приехавший на обед, рассказал последние городские новости и пожаловался на то, что у него с левого бока замок стал срабатывать «через раз», и надо его ремонтировать.

А Маруся удивилась и попросила показать, где он у папы, этот замок и что значит «через раз»? Все засмеялись, а папа объяснил, что на самом деле замок, конечно, не у него, а в дверце машины, а «через раз» – это когда один раз на кнопку нажать, и замок закрывается, а в другой раз захочешь закрыть, а замок щёлкнет и дверца остаётся открытой.

После обеда, когда папа уехал на работу, дедушка повёл принцессу Марусю в зал на второй этаж, усадил на диван и развернул перед ней большой лист бумаги, разрисованный цветными карандашами.

– Это пиратская карта, – сказал он. – Здесь, в углу – стрелка, она показывает на север. На картах рисуют всё, что расположено вокруг, только маленькое, и дают разные красивые названия. Вот смотри, – начал объяснять дедушка, – здесь – твоя «игральная» комната. Это кровать, и мы будем называть её Цветущая долина Сония. У изголовья полка, на которой ты любишь сидеть со своими друзьями, и мы назовём её – Сидельные горы, здесь поблизости Платяные горы, а вот кресло – Отдыхалия...

– Я всё поняла, – обрадовалась Маша-Маруся, – это вот – Игралия, а здесь – Кукольный город!

– Молодец! Правильно поняла. Только обрати внимание: все эти замечательные места разделяет море, оно обозначено голубым цветом. И только по морю, через Южный пролив можно спуститься к экватору (на кухню), попасть в пещеру Водопадов и другие страны, например, сюда, в страну Креслодвианию, где у нас Телемузыкальные горы.

– А пещера Водопадов – это где душ и туалет?

– Снова, молодец, принцесса, так оно и есть! Я думаю, с остальными частями карты ты разберёшься сама и даже придумашь названия там, где их нет.

– А где же пиратские сокровища или сюрприз?

– Ну, сокровищ я тебе не обещал, а сюрприз будет непременно.

– Сокровища тоже есть, я знаю: они в спальне, в Самоцветной горе! А напротив горы, я придумала, – долина Привидений, ваша с бабушкой кровать.

– ...А привидения, конечно, я и бабушка?..

В этот момент внизу раздался звонок.

– Это Вика пришла, – обрадовалась Маша и побежала встречать гостью.

Когда девочки поднялись наверх, Маша объявила:

– Теперь нас две принцессы, и мы вместе будем искать клад. Давай, старый пират, объясняй, что делать.

- Только не испачкай его! - наказала мама.

- Нет-нет, не испачкаю, - пообещала Настенька.

И вот Настенька щеголяет по двору в новом платье и гордо поглядывает на соседскую девочку Любку, которая вместе с мальчиком из соседнего двора, Колькой Сидоровым, сидит в песочнице и что-то строит. Кольку девочки уважали: он был на целый год старше их.

Платье Любке действительно понравилось. Но много внимания она уделять ему все-таки не стала, потому что город, который они с Колькой строили в песке, ждал продолжения строительства. Люба предложила Настеньке присоединиться к стройке и даже дала ей лопатку. Ну как тут было отказаться! Настенька забыла про обещание, данное маме, и принялась месить воду с песком для строительства.

Город получился просто замечательный. В его центре находился большой замок с башенками, по краям шла крепостная стена, тоже с башенками и бойницами, а рядом был выкопан небольшой пруд.

Управившись со строительством, Колька предложил:

- Айда в прятки играть! Первый раз я вожу.

Девочки бросились искать убежища. В поисках укромного местечка Настенька забралась в дровяной сарай, где хранился уголь, и спряталась там. Но хотя убежище и показалось ей таким надеж-

– Всё очень просто, но придётся вам потрудиться. В Мансардном океане плавает бутылка, в бутылке лежит записка. Найдите бутылку, достаньте, прочитайте записку и выполняйте, что там указано. Сделаете всё правильно, в конце ваших приключений будет сюрприз, но поторопитесь. До встречи, принцессы!

И дедушка ушёл, а принцессы принялись искать в Мансардном океане бутылку с запиской. Океан оказался не такой уж большой, и бутылка нашлась быстро, а в записке было написано:

«У подножия гор Сидельных

Ждёт записка – листок отдельный».

Принцесса Маруся, которая уже знала, где находятся эти горы, повела принцессу Викторю в «игральную» комнату.

Девочки осмотрели полку, на которой сидел медвежонок Пух, ослик Иа и куклы, но ничего не нашли.

– Надо сесть на эти Сидельные горы, – догадалась Виктоша, и когда они это сделали, сказала:

– А теперь посмотрим, где наши ножки, ведь листок у подножия!

Так и оказалось. Под маленькой подушкой лежал листок бумаги, и вот что на нём было написано:

«В Игралии, где красота,

Возьми игрушку для кота».

– Ну, и где эта Игралия? – спросила Виктоша.

– Да вот же она: здесь замок, дорожки... А вот и деревья!

– Ух, ты, красота! Красота,... а чем твой Дымок играет?

– Бантик из бумаги делаем, веревочкой перевязываем, и он цепляется за него, ловит, как мышку.

– Такой? – Виктоша подняла с пола перевязанную ниткой бумажку.

– Такой!

Виктоша развернула бумажку и прочитала:

«Лежит твой путь в пещеру Водопадов, Но за запиской в воду лезть не надо!»

– Ну, это совсем просто, – сказала принцесса Маруся, – пойдём сюда!

Они обыскали все полочки, подняли флаконы и тюбики, двигали шторы душевой кабины, искали под раковиной умывальника, но всё оказалось напрасным – записки не было.

И вдруг под ковриком, где было много мелких дырочек, Маруся заметила что-то белое. Подняла коврик за угол, так и есть – записка:

«Теперь к вулкану поспеши –

Часы там очень хороши!»

– А где этот вулкан? – спросила Виктоша.

Станислав Гриченко

Родился в Сибири, окончил школу в Эстонии. Учился и окончил в Ленинграде электротехнический институт (ЛЭТИ). Живу в Арзамасе, который называют городом Гайдара. Член международного творческого объединения детских авторов. Главный редактор электронного интернет-издания – журнала «Зелёный кузнечик».

– Я даже не знаю, что такое вулкан, – призналась Маруся.

– А я знаю: это гора, но не простая, внутри огонь. Когда вулкан извергается, он дымит, из него вылетают искры, пепел и даже камни. На карте он нарисован у Мансардного океана...

– Но в доме нет никакого вулкана. Есть камин, его топят дровами, когда холодно...

– Так значит, камин и есть вулкан, – обрадовалась Виктоша, – в нём бывает огонь, искры, дым в трубу идет!

– Смотри, а вот и часы на полке стоят, правда, красивые?

Маруся встала на приступку, наклонила часы, и под ними обнаружилась записка: «Спускайся вниз, Там ждёт сюрприз!»

И принцессы побежали по лестнице вниз. Внизу за столом сидел старый пират, пил чай и поглядывал в окно.

– Мы всё нашли, где сюрприз, дедушка? – закричала Маша.

– А вот он, присаживайтесь к столу!

На столе лежали две салфетки, а на салфетках стояли чашки. В чашках горкой лежало что-то белое.

– Ура! – закричали принцессы одновременно. – Мороженое!!!

Они взяли ложечки и стали есть очень вкусное мороженое, политое вишнёвым сиропом.

– А вот и настоящий сюрприз, – сказал дедушка, – взгляните в окно!

За окном, на столбике сидела, неизвестно откуда прилетевшая морская птица чайка и чистила пёрышки.

Это было удивительно, это было настоящим чудом, потому что чайки живут у моря, а моря поблизости не было.

Новое платье

Майское утро было тёплым и солнечным, и Настеньку отпустили погулять во двор. Накануне мама с папой ездили в город, а девочка оставалась дома с бабушкой. Мама обещала купить Настеньке новое платье, и та буквально сгорала от нетерпения. А бабушка подтрунивала над девочкой:

- Купят тебе платье понетовой земли, пустыми травами.

- Как это, бабушка? - недоумевала Настенька.

- А так, значит, что земли-то нет, да и трав тоже, - объясняла бабушка.

Настеньке все равно не было понятно, поэтому она не огорчалась и все поглядывала в окошко: не едут ли родители.

И вот оно, новое платье! Белое, с голубенькими цветочками, с оборочками и рюшечками, как у принцессы!

- Мама, можно мне в новом платье погулять?

- Дочка, платье новое, может, побережем, оставим на праздничный выход?

Но платье было такое красивое, что нельзя было ждать, нужно обязательно было его надеть прямо сейчас и обязательно выйти в нем во двор, чтобы соседская девочка Любка упала от зависти. И мама уступила просьбам Настеньки.

Елена Козлова

По профессии учитель русского языка и литературы. Писать начала для маленького сына, первыми появились «Барбадулька и его друзья», затем еще 2 книги продолжения, «Лягушачьи истории». Напечатаны в журнале «Сказочный мир»

ка у неё такая лгуныя. Настенька плакала и думала, что мама её теперь никогда не простит, плакала, пока не уснула...

И во сне она даже не почувствовала, что заботливые руки папы подняли её и перенесли на постель, а мама раздела дочку, поцеловала её и сказала папе, что сегодня Настенька получила первый большой урок жизни, который она никогда не забудет.

Сказки от Светланы Савицкой

МИРАЖ

По безлюдной пустыне шел путник. Запасы воды и пищи иссякли.

Ветер сбивал с ног. И жажда иссушила губы. Слепило солнце.

Но сегодня ожидался важный день. Самый значительный. Так ему приснилось. Утром на Востоке обозначилась та самая звезда, звезда волхвов. И, как предначертано, он должен был идти от нее и встретиться еще с тремя, и те, в свою очередь - передать свои дары. Только эта мысль придавала бедняге сил.

На миг путнику привиделся оазис. В кольце желтого песка - пальмы. Вода в журчащем ручье. Сытые бедуины, облаченные в черные одежды...

- Мираж, - сказал Путник, - Мираж!

И отогнал рукою бесплодное виденье...

Солнце ослепительно отражалось в бесчисленных окнах небоскребов. От лютого холода покраснело лицо путника и закрипели зубы. Ноги давно потеряли чувствительность. Липкая шапка покрылась морозным куржаком.

Машины плотным строем утренней московской пробки дружно держали оборону от желтого снега и мрачных пешеходов в черном, с отрешенными лицами, снующих туда-сюда.

Вдоль шоссе, облепленного киосками, витали смертельно-призывные запахи шаурмы, крошки-картошки и блинчиков с лососем. Столпотворение сытых «бедуинов» курило-жевало-говорило по мобильным телефонам - слушало плееры через наушники и двигалось-двигалось-двигалось. Ни одного живого взгляда не было замечено путником. Не произнесено, обращенного к нему, ни одного слова сочувствия. Среди сотни и тысячи слов не раскрыто ни одно теплое окно. Только снег. Холод. И одиночество. Люди плавно огибали его и спешили дальше по своим делам. И если путник пытался с кем-либо заговорить, они угадывали это заранее и обходили на полшага дальше.

Ноги и руки путника опухли от голода. Он было, уже совсем отчаялся, как справа краем глаза заметил спасательную букву «М». У распахнутых теплых дверей расположились на своем скамье еще три таких же путника. Один жевал окурочку тонкой женской сигаретки, перебирая красными пальцами-сосисками «дары». Бычки, собранные у метро, он разглаживал, аккуратно рядками сортировал по цвету фильтров. Другой, с такой же характерной красной опухолью лица, цепко держал прозрачный мутный пакет, битком наполненный остатками пирожков, обглоданных сочной и гамбургером, а его сосед по раскинутому драному тулупу, сливал из баночек в одну емкость «Пепси», и «Фанту», и пиво, и квас, и еще какие-то остатки. Запах трех странников у метро не пугал ноздри Путника. Они давно потеряли чувствительность.

Выхлопные газы автомобилей смешивались с дыханием четверых изгоев. И уже было совершенно не ясно, что из этих паров ядовитее.

- Бог в помощь! - подошел к божам Путник.

- Бог-то Бог, да и сам бы помог! - огрызнулся Виночерпий, оглядев Путника с головы до ног придирчивым взором.

- У тебя что есть? - пригласил более миролюбиво на подстилку рядом с собою Хлебодар.

Подвинулся. Сегодня он был «богат», поэтому добр.

Табачник выбрал самую длинную сигаретку. Протянул Путнику.

- Ну и холодина тут у вас. Чуть не окочурился! - поклонился пришелец. Бросил в «общий котел» несколько грязных медяков, найденных по дороге. И жадно закурил, зажмурив редкие ресницы.

- Не густо, - проворчал Виночерпий, тем не менее, добавил, - На, хлебни.

Возможно, он намешал в посудину что-то не то, потому что через несколько минут дружки растались с жизнью, «уснув» навсегда на каменных ступеньках.

А наш Путник, поняв, что его ожидает та же участь, побежал со всех ног к цели своего долгого путешествия.

Ему казалось, что он летит. На самом деле он двигался, как в замедленном кино. Еле-еле.

Он кричал во все горло:

- А-а-а!

Но народ обходил его.

Он вопил:

- А-А-А-А-А!

На путника по-прежнему никто не обращал внимания, и даже не оглядывался в его сторону.

Достигнув, наконец, высокого подъезда красивого административного здания с золотыми табличками, он стал дергать массивные дубовые двери.

Что надеялся найти за этими дверьми человек? Вход или выход? Ад или рай? - было уже не важно. Двери оказались закрытыми намертво.

- Мираж, - сказал Путник, - Мираж! - и сполз на грязный снег, окончательно выбившись из сил.

Его чистая душа поднялась над Москвой. Умылась лучами солнца. Удивленно оглянулась на «бедуинов в черном», спешащих по своим делам, не понимая, или не желая понимать, что рядом лежит бездыханное тело. Вдоль шоссе, облепленного киосками, по-прежнему витали смертельно-призывные запахи горячих чебуреков, кур-гриль, мандаринов. Но есть уже не хотелось.

Столпотворение сытых, одетых и обутих курило-жевало-говорило по мобильным телефонам - слушало плееры через наушники и двигалось-двигалось-двигалось. Только путнику уже ничего не хотелось им сказать. Ни одного живого взгляда не было замечено. Среди сотни и тысячи домов не распахнулось навстречу ни одно холодное окно. Только теплый пух ласковой земли. И одиночество.

«Может быть, они давно мертвы?» - подумал Путник, направляясь обратно в сторону Звезды, которую теперь ясно можно было наблюдать сквозь нежно спящий свет веселого солнца.

ОЛЛИ

Если ты закроешь глазки, я расскажу тебе о прекрасной стране тюльпанов.

Не за тридевять земель, не в тридевяти царстве - тридесетом государстве, а прямо тут, рядом с нами, на цветочной клумбе случилась однажды удивительная история!

У Короля тюльпанов Олли Олиуса и королевы Соло Олли родилась редкой красоты луковочка Олли. В первый же год Олли выпустила из земли крохотный цветочек и сразу же столкнулась взглядом с принцем Олем.

Его высадили на королевскую грядку, так как с рождения определили породу и стать будущего пионовидного тюльпана из рода Олли Олиусов, несмотря на оттенки зеленой молодости впервые раскрывшегося и пока еще не совсем пышного флага.

Родители были рады их дружбе.

Всю весну процветало благоуханное королевство. Шмели и Бабочки переносили с цветка на цветок комплименты пышных королевских особ и их придворных. Гусенички удаляли сорняки. Верно служили Божьи коровки, поедая занудливых тлей. И полчища муравьев трудолюбиво стояли на страже королевства тюльпанов.

Перед летним зноем капризные королевские особы вместе со всеми придворными сбросили платья и нырнули обратно в прохладную глущь земли. Ведь не пристало цветам из высшего общества подвергать нежную кожу опасности облучения.

Да и слишком утомительными показались им весенние балы и игры.

Наступила дождливая осень. А за нею и холодная зима.

Но тюльпаны спали под надежным пуховым покровом снега. Им было очень уютно в черной жирной земле.

Набирались сил и крепи повенчаные Оль и Олли.

И лишь только сверкнула первая весенняя песня апрельского солнца, тут же заворочались луковички. Один за другим, сложив листики-ладони лодочкой, стали выныривать они из земли в воздушные пространства сада, дабы снова явить миру удивительные роскошные цветы.

На центральной клумбе одним из первых проснулся король тюльпанов бело-розовый пионовидный Олли Олиус. Но что такое? Рядом не оказалось королевы Соло Олли! Вместо нее у трона росла, привезенная из теплицы, фиолетовая астра своенравная Астрид, подчеркивая каждым движением свое величие. Вызывающая расточительность ее небывало обширного наряда поразила его величество.

Получив место на центральной клумбе раньше всех, Астрид сделала все, чтобы избавиться от королевы. Невкусные корешки астр никогда не грызли насекомые. Зная об этом, она призвала к себе ведьму подземного царства злобную и страшную медведку Едицу. И пока спали остальные цветы и их охранники муравьи, выдала ей местонахождение некоторых вкусных лукович. Так редчайшая луковичка королевы Соло Олли с верными подданными, окружающими ее, попала в кладовые злобной медведки.

Не вернулся из зимнего сна и принц Оль. Видя, что подземные чудовища хотят похитить королеву Соло Олли, он бросился на помощь, но был покусан и отброшен далеко с королевской клумбы. Его насилу отбили муравьи. Там он и пророс искривившимся инвалидом под деревом у дороги.

Астрид же заняла место королевы. Теперь тюльпаны королевства были вынуждены поклоняться ей. Не знал о ее коварстве король Олли Олиус. А принцессе ничего не оставалось, как лить слезы о любимом принце Оле. Она чахла, изводила себя бесплодными воспоминаниями и поникла головой в расцвете сил. Да к тому же Астрид уже предпринимала шаги, чтобы пересадить падчерицу на соседнюю клумбу и выдать замуж за самовлюбленного принца Нарцисса.

Покусанный и искалеченный злобной медведкой Едицей бедный принц Оль чуть было тоже не зачах от любви и уже потерял надежду на счастье, как вдруг с дерева прямо над его головой раздался голос старого отшельника Архи Дея:

- Ты действительно любишь принцессу, Оль?

- Я люблю ее всей луковочкой своего сердца! - ответил несчастный.

- Наше королевство постигла несправедливость. И только ты можешь ее восстановить. До рассвета солнца ты должен волшебным нектаром росы, который собирал я несколько лет в этот кувшин, полить луковички королевских особ, томящиеся в кладовых медведки Едицы. Но для этого нужно снова спуститься в подземное царство! И обмануть медведку.

Оль не пугало подземное царство. Он боялся только одного, а вдруг ему не хватит ума перехитрить волшебницу.

И он перехитрил ее. Принц долго убеждал медведку в том, что ни минуты не хочет больше жить без своей прекрасной Олли, пришел сам на съедение, и его последним желанием будет то, чтобы медведка перенесла его обратно под королевскую клумбу и там будь что будет. И, как только Едица это сделала, принц тут же полил настоящую королеву волшебным нектаром росы. Затем придворных и только потом себя. Цветочные луковички охватило неудержимое стремление выплывать на поверхность земли. Они сбросили невзрачные коричневые чешуйки и, стремительно набирая мощь зеленых стеблей, пробрили потолок темницы, проросли на самом лучшем месте у королевского трона. И при первых же лучах солнца распушили великолепные изысканные юбки, жилетки и фрики на утреннем восходящем солнце.

Оль вырос во всем своем королевском новом великолепии совершенно зрелым тюльпаном. Видя это, принцесса Олли выпрямилась, принарядилась в более пышное белоснежное свадебное платье и немедленно бросилась ему в объятия.

Королева Соло Олли сбросила безудержную силу и красотой с трона совершенно нектати высаженную здесь астру. И той ничего не оставалось, как засохнуть от досады.

Тут же король Олли Олиус дал команду муравьям расправиться с медведкой Едицей и устроить королевский бал в честь венчания принца и принцессы.

И первым гостем на свадебной церемонии был, конечно же, Архи Дей. Говорят, он сам на балу не присутствовал, но в течение всего дня бабочки и шмели доставляли ему с королевского стола сладкий нектар.

Но ты все еще не закрываешь глазки. Так не честно. А ну-ка, зажмурь их скорее.

Пусть тебе приснится удивительная страна Тюльпанов. Король Олли Олиус и королева Соло Олли непременно пригласят тебя на бал. Представь. Длинные зеленые сочные стебли. Пышные юбки цветов. Услужливые бабочки и шмели угощают тебя разными видами цветочного нектара. А отшельник Архи Дей расскажет немало добрых старых сказок.

От этого детки растут во сне. Правда-правда. Уверю тебя!

ОБЛАКА

Они дарили друг другу... облака.

У обоих были фотоаппараты. Их лекция состояла из нескольких альбомов и десятков двух больших фотографий в рамках, развешенных по стенам.

Они везли их отовсюду: с замшелой по весне Чукотки, туманного Чопа, с ветряного Забайкалья, с теплых и частых озер Сибири. Облака были совершенно разные, невероятные, радужные, сказочные...

Однажды супруги поругались. Из-за мелочей. И разошлись.

Светлана убрала со стен облака и закинула их сгоряча за диван. А Валерий, глядя на это, хлопнул дверью, разбил о ступеньки фотоаппарат и решил больше никогда, никогда...

Валерий очень скоро сошелся с другой женщиной. Светлана же еще пару лет загружала себя работой, чтобы его забыть. Наконец, и она нашла себе нового спутника жизни.

Проходили годы. Пустые. Бездарные. И бездушные. Иногда они смотрели на небо, но с досадой отводили взгляд. А по ночам им снились... облака.

Он не выдержал первым и, купив в магазине акварель, начал рисовать. Валерий все хотел изобразить то, самое первое облако, с чего все началось. Они со Светланой не успели его когда-то сфотографировать и часто вспоминали в свои лучшие дни.

Душа его разрывалась от спокойствия и благополучия. Он искал в небе ответ, выходя по вечерам в открытое поле. За рыхлыми тучами, беременными дождем, легкие перистые подкрылки, точно прочтя мысли Валерия, либо прятались за эти темные тучи, либо улетали еще выше в небо, убегая от безнадежности его мыслей, не в силах помочь. Слишком нежные и слабые, чтобы справиться с болью, поселившейся в человеке, они не находили в себе столько божественной силы, сколько было в том первом облаке, с которого все началось.

Валерий ждал его и звал. И однажды поздно ночью оно получилось. Прозрачное, розовое, точно небесный цветок, решивший еще раз раскрыться, облако растеклось само на огромном ватмане, расстеленном по всей кухне, точно движение души. Пока это розовое чудо сохло на полу, Валерий прыгал вокруг, как мальчишка, зажав зубами крик радости. Получилось! Первый раз в жизни! Получилось!

Осторожно Валерий поцеловал в лоб спящую женщину, которая жила с ним все эти годы, свернул в трубочку ватман и тихонько закрыл дверь.

Ему отворил мужчина.

-Вам кого?

-Её.

А она уже стояла у порога, изумленно раскрыв глаза.

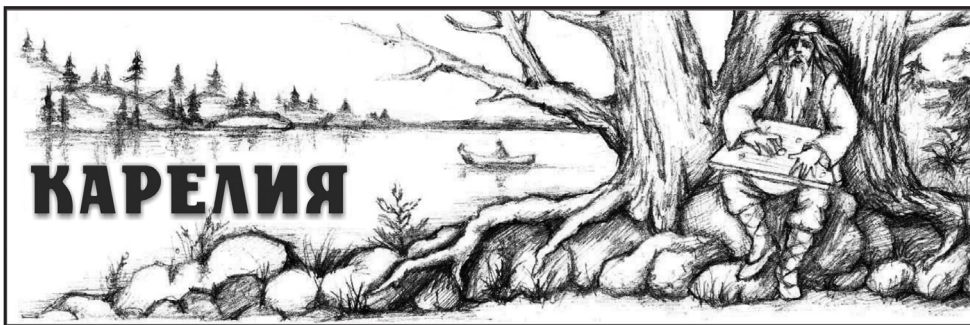
-Оно? - взволнованно развернул на весь пролет лестницы Валерий свое розовое облако.

-Да - улыбнулась Светлана...

... Они долго лежали на траве, обнявшись и глядя на фиолетовые перья гигантских крыльев, порхающих среди звезд.

-Фотоаппарат не возьмет. Может, заснять на киноплёнку? - спросила Светлана.

-Я не могу без тебя жить, - ответил Валерий.

Мужики (рассказ)

Александра ходила из угла в угол:

– Господи! Да когда же это кончится?!

За стеной, в соседней квартире, надрывно визжала гармонь и громыхал голос Петьки Жукова:

– Эх, полным-полна коробушка!....

А время уже за полночь. Александра подошла к дивану, где, как ни в чем не бывало, похрапывал Виктор.

– Витюша, а, Витюша, – она потормошила мужа за плечо.

– Чего тебе, Шура? – спросонья спросил Виктор и повернулся на другой бок.

– Да проснись же! – уже с недовольными нотками в голосе произнесла Александра.

– Ну что случилось? Такой сон снился, а ты...

– Да брось ты со своим сном. Лучше утомони соседа. Опять, видно, нализался и теперь вот гармонь свою тискает.

Виктор почесал затылок и с усмешкой произнес:

– Ну, а ежели ему тискать больше некого, вот и отводит мужик душу.

– Да ну тебя. Ведь голова трещит, ночь на дворе, а он развел тут шумиху. Пошел бы ты, утомил его, что ли....

– Да-а-а, попади сейчас кто Петьке под руку, так потом и мама родная не узнает...

Александра с презрением взглянула на мужа.

– Ну, ладно, ладно, придумаю что-нибудь, – пошел он на попятный, – Только не смотри на меня так.

Виктор не любил, когда жена вот так принижала его. Петьку он не боялся, да и сосед был парень неплохой, только, правда, как выпьет, становился дурным и без разбору раскидывал свои пудовые кулачищи, если кто предьявлял претензии к его персоне.

Петька был из той категории мужчин, про которых говорят одним словом – «вышибала». Поэтому Витька и не собирался идти сейчас к соседу разбираться. Но все же стал думать, как ему выйти из положения, чтоб Александра успокоилась. А из-за стены тем временем неслось:

– Раскинулось море широко-о-о-ко...

И тут Виктора осенило. Да как же он позабыл! Вот голова садовая! Александра с любопытством глянула на мужа: «Интересно, что это он удумал?» А когда поняла, ахнула:

– Батюшки, и ты туда же....

Виктор же, довольный, вынимал из футляра свой баян. Поставив табурет у стены, за которой басил Петька, он сел, приладил инструмент поудобнее на коленях, провел пальцами по кнопкам, развернул меха и затянул свою любимую:

– Эх, дороги, пыль да туман...

Сосед за стеной притих.

– Шур, видишь! Во как я его...

И только Виктор произнес это, как Петька вновь, еще громче забасил:

– Распрягайте, хлопцы, коней!

– Врешь, не возьмешь, – сквозь зубы процедил Витька и рванул баян.

– Эх, яблочко, да на тарелочке!

А сосед еще громче завел:

– Очи черные, очи жгучие...

Витька стал заводиться.

– Ну, я ему покажу!

И загорланил:

– Как родная меня мать провожала, эх!!

Александра была уже не рада, что разбудила мужа. Голова у нее шла кругом от этой музыкальной какофонии. Но она понимала, что Виктора теперь не остановить...

А Петька уже кричал через стенку, что Витька не умеет играть, что руки у него не в то место вставлены, на что тот в ответ ему орал:

– Да сам ты! Всего две ноты знаешь!

В противоположную стену вдруг стала стучать бабка Анисья, причитая:

– Что же вы, яроды окаянные, делаете...

Мужики же вошли в раж. Они ругались, горланили невпопад одну за другой песни. Надрывались гармонь и баян.

Виктор решил больше не слушать, что кричит ему Петька и играл все подряд, что приходило на ум.

...Шел уже третий час ночи. Витька, склонив голову на корпус баяна, с закрытыми глазами дергал инструмент и мычал себе под нос (голос охрип, орать он больше уже не мог):

– Живет моя отрада...

Александра ходила, держась за голову руками. По щекам ее текли слезы, она ругала мужа, но тот ничего не слышал. Тут в дверь постучали. Отворив ее, Александра, ойкнула.

На пороге стоял участковый, из-за его спины выглядывала старая Анисья.

– Вот он, ирод, спать людям не дает, – показывала она на Виктора.

До Витьки как-то не сразу дошло, что участковый пришел за ним. Он недоуменно взглянул на жену:

– А что же Петька?

Та сквозь слезы простонала:

– Да он-то уже давно молчит. Уснул видимо.

– Ладно, лясы точить, – участковый Самоваров не любил долго ждать.

– Одевайтесь Виктор Андреевич, пройдемте.

– Куда это? – встрепенулся Витька.

– Куда, куда... Туда, где за хулиганку сидят, – буркнул участковый.

...Остаток ночи Виктор провел в «холодной», размышляя о том, как все несправедливо в этой жизни. Сплошь и рядом страдают невинные. А ведь это все Александра виновата, зачем его будила.

– Приду домой, прибыю!

Рассуждая так, Витька мысленно оправдывал себя, а заодно и соседа Петьку, обвинив во всем свою жену. И ему даже легче стало, что когда отпустят – будет на ком отыграться.

Ольга БУРЫГИНА

IX Международный Фестиваль авторской песни «Петербургский аккорд»

В Санкт-Петербурге с 3-го по 10-е июня 2012 года пройдет главное событие в жанре авторской песни IX Международный Фестиваль авторской песни «Петербургский аккорд».

Все флаги в гости будут к нам

Фестиваль «Петербургский Аккорд» проходит раз в два года. Не часто, скажете вы. Да, но зато с каким размахом! Это единственный в России «зальный» фестиваль авторской песни, проходящий так крупномасштабно и с большим количеством участников. Фестиваль – международный, и в этом году ожидаются делегации участников из 23 регионов - как ближнего, так и дальнего зарубежья.

«Атланты держат небо на каменных руках»

Всем известный и признанный факт, что Петербург – город «Мекка». Волшебная аура нашей северной столицы пробуждает в каждом, кто его посетил хоть один раз, творческие глубины подсознания. Вот почему так много поэтов, художников, писателей – выходцы из туманной, мистической петербургской атмосферы. Петербург – колыбель думающих людей. Вот почему Петербург - колыбель русского рока и авторской песни. Оба этих музыкальных жанра, на первый взгляд не похожих между собой, имеют много общего! В основе лежат хорошие авторские стихи. Бунтарские, порой резкие, нередко – политические, ну и романтические, конечно! Но всегда – «умные». Те, что заставляют задуматься каждого, кто услышал их. Задуматься, переосмыслить и что-то понять.

Авторская песня и с чем ее едят

Давний спор на тему: «нужна ли сегодня авторская песня?» всякий раз становится никчемным в тот момент, когда люди начинают авторскую песню слушать. Дело в том, что зачастую жанр «авторская песня» люди путают с узким поджанром «туристская песня», которая, разумеется, близка не всем, а только тем, кто любит проводить свой досуг в лесу у костра или в пути и с рюкзаком за плечами. Понятие авторской песни на сегодняшний день гораздо шире! Это «поющие стихи»! И никак иначе. Приходите на творческие мастерские, семинары, круглые столы и другие мероприятия, связанные с жанром авторской песни, которые пройдут в рамках Фестиваля «Петербургский аккорд» и сами в этом убедитесь!

«Ой, как хорошо, хоть песню пой»

Программа Фестиваля «Петербургский аккорд» всегда очень насыщена и интересна. Мало того, что весьма почтенное жюри и гости Фестиваля дают роскошный заключительный гала-концерт, но, кроме этого, зрители смогут проследить за движением конкурсантов к победе, то есть присутствовать на отборочных турах. И слушать, и петь, и подпевать! В состав жюри в этом году вошли: такие признанные мастера, как Юлий Ким, Вероника Долина, Александр Суханов, Галина Хомчик, Елена Казанцева (Белоруссия), Ольга Качанова (Казахстан), Александр Медведенко (Израиль). Отслушайте конкурсантов вместе с мэтрами и проверьте, совпадают ли ваши вкусы! Как известно, Гран-при любого фестиваля состоит из двух составляющих: выбора жюри и пика зрительских симпатий. Таким образом, каждый слушатель сможет повлиять на работу команды жюри и отстоять понравившегося ему автора.

Давайте вместе поможем миру обрести новые имена, которые, возможно, впоследствии войдут в историю мировой классики авторской песни!

Строго, по расписанию:

3 июня в 19-00 в Концертном зале у Финляндского вокзала

Концерт-пролог. «Петербургский аккорд представляет». Выступают Галина Хомчик (Москва) и Ольга Качанова (Казахстан)

7 июня в 19-00 в Концертном зале у Финляндского вокзала

Открытие девятого Международного Фестиваля «Петербургский Аккорд». Участвуют члены жюри и гости Фестиваля: А.Суханов, Г.Хомчик, А.Иванов, Е.Казанцева, О.Качанова и В.Козлов, А.Медведенко, М.Трегер, А.Брунов, Г.Данской, В.Ковалев, С.Труханов, В.Чечет, С.Цывкина, О.Чикина и др.

9 июня в 18-00 в Концертном зале Университета профсоюзов (СПбГУП)

Второй (заключительный) тур конкурса

10 июня в 19-00 в ДК имени Газа

Закрытие Фестиваля - Гала-концерт победителей конкурса Фестиваля при участии Ю.Кима, В.Долиной, А.Иванова, Е.Казанцевой, О.Качановой и В.Козлова, А.Медведенко, А.Суханова, С.Труханова, В.Чечета.